

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

3
2012

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2012

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

3.2012

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgoru.ru

Подписной индекс

83632

в основном каталоге
Роспечати

Редакционная коллегия

И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шеремет,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgoru.ru

Содержание №3 | 2012

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Макарова Е.В.

Народные художественные промыслы Подмосковья
(Гжель, Жостово, Федоскино): история возникновения и развития. . . . 5

Антонова Т.В.

А.И. Герцен: «Поднимите цензурный шлюз!...» 10

Гостюшева Е.М.

Историографическая концепция народников
(региональный аспект) 23

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

ван Хааске Л.А.

Формирование университетских корпораций и их региональная
специфика в Европе эпохи Высокого Средневековья 34

Некрасова Е.А.

Местное самоуправление в условиях революционных изменений:
опыт Парижской Коммуны 42

Калмыков В.С.

Проблема самосознания французских и русских военнослужащих
эпохи наполеоновских войн (по их мемуарам) 51

ИСТОРИОГРАФИЯ

Орлов А.А.

Новое историческое исследование о средневековом
славонском городе (Лотменцев А.М. Славонский Градец.
Libera regia civitas. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 184 с.) 61

Радькова О.Г., Стрелец М.В.

Александр Абрамович Галкин как образец ученого-обществоведа . . . 67

ПОЛИТОЛОГИЯ

Барабанов М.В.

«Российский взгляд» на «партстроительство» и политическую
жизнь в Польше в первой половине 90-х гг. XX в. 79

Бондарева А.И.

Демократия и социально-политическая жизнь 92

Емельянов В.А.

Создание прокремлевских молодежных общественно-политических организаций	104
НАШИ АВТОРЫ	110
CONTENTS	112
ПАМЯТКА АВТОРУ	116

Е.В. Макарова

Народные художественные промыслы Подмосковья (Гжель, Жостово, Федоскино): история возникновения и развития

Автор сравнивает основные этапы становления и развития трех наиболее широко известных промыслов Подмосковья: Жостово, Гжель и Федоскино, проводит аналогии с зарубежными производствами. В статье описаны периоды расцвета и упадка производств, рассмотрены причины данных изменений, а также современное положение народных художественных промыслов.

Ключевые слова: народные художественные промыслы, история возникновения народных промыслов, Жостово, Гжель, Федоскино, современный этап развития народных промыслов, народные промыслы Подмосковья.

Изготовление первых лаковых изделий в России относится к началу XVIII в. В 1795 г. в подмосковном имении Данилково П.И. Коробовым было основано первое небольшое предприятие по производству лаковых изделий. Путешествуя по Европе, П.И. Коробов заинтересовался расписными изделиями лакировальной фабрики И.Г. Штобвассера в Германии. Коробову удалось приобрести у Штобвассера необходимый инвентарь: лаки, краски и пригласить нескольких мастеров этой фабрики в Россию. Наряду с лакированными козырьками к каскам для русской армии здесь изготавливались круглые «коробовские» табакерки. Первые табакерки не расписывались, на них наклеивались гравюры, покрытые лаком [2]. Промысел получает дальнейшее развитие, когда фабрика переходит к зятю Коробова П.В. Лукутину. Фабрика осваивает выпуск не только табакерок, разных по форме и размерам, но и ряда новых изделий: портсигары, папиросницы, коробочки, шкатулки, шахматные столики, спичечницы, пудреницы и многое другое. На изделия стали наносить живописные

миниатюры, но они существенно отличались от европейских своим ярко выраженным национальным характером сюжетов и своеобразными приемами письма [7].

Еще раньше или одновременно с Коробовым устроил подобное заведение в Москве Филипп Вешняков. В ряде подмосковных сел и деревень бывшей Троицкой волости (ныне Мытищинский район Московской области) – Жостово, Осташково, Хлебникове, Троицком и других – возникли мастерские по изготовлению расписных лакированных изделий. Наряду с различными баульчиками, табакерками, портсигарами и др. здесь выделялись также и подносы из папье-маше. В 1836 г. на выставке в Митаве не очень прочные подносы из папье-маше уступили по качеству железным сибирским подносам. Тогда и было принято решение о производстве в Подмосковье железных подносов. При этом удалось устранить существенный недостаток сибирских подносов: они были прочны, но плохо покрывались краской. Железные подносы постепенно вытеснили табакерки и другие «бумажные» поделки из мастерских Троицкой волости [4].

Первые упоминания о Гжели встречаются еще раньше. Широкая добыча разных сортов глины велась здесь с середины XVII в. В 1663 г. царь Алексей Михайлович издал указ «во гжельской волости для аптекарских и алхимических сосудов прислать глины, которая годится к аптекарским сосудам» [цит. по: 5]. В 1770 г. Гжельская волость была целиком приписана к Аптекарскому приказу «для алхимической посуды» [цит. по: 5]. До середины XVIII в. Гжель делала обычную для того времени гончарную посуду, изготавливала кирпич, гончарные трубы, изразцы, а также примитивные детские игрушки, снабжая ими Москву. С середины XVIII в. гжельские мастера освоили технику майолики, позволяющую изготавливать посуду с многоцветной росписью по белой эмали. После 1802 г., когда была найдена светлая серая глина близ деревни Монино, в Гжели возникло производство полуфаянса, из которого во множестве делали квасники, кувшины и кумганы. Со второй половины 20-х гг. XIX в. многие изделия расписывали только синей краской [5].

Таким образом, можно говорить о том, что все вышеперечисленные промыслы возникли (XVIII в.) и сформировались как производства (XIX в.) практически в одно время. Также можно отметить, что данные промыслы не являются уникальными. В процессе развития они приобрели массу отличительных, характерных только для России черт, но производства были построены по принципу аналогичных производств в Европе.

Расцвет народных художественных промыслов приходится на вторую половину XIX в. Вторая четверть XIX в. — период наивысших художественных достижений гжельского керамического искусства во всех его отраслях. Стремясь получить тонкий фаянс и фарфор, владельцы производств постоянно совершенствовали состав белой массы [3]. В середине и особенно во второй половине XIX в. производство подносов в Жостове и окрестных селениях увеличилось. Выгодное расположение вблизи столицы обеспечивало промыслу постоянный рынок сбыта и позволяло обходиться без посредничества скупщиков. В Москве же приобретались и все необходимые для производства материалы [1]. На вторую половину XIX в. приходится период расцвета жанра. В жанровых сценах лукутинских миниатюр предстают образы России, раскрываются многие стороны жизни общества того времени. Русское искусство обращается к своим национальным корням, появляется интерес к историческому прошлому, культуре народа. Народная тема раскрывается в типажах уличных торговцев, многократных вариациях излюбленных сюжетов: «бабушкины сказки», «крестьянское семейство», «русская пляска», знаменитые тройки, чаепития [10].

Расцвет народных художественных промыслов разных направлений приходится на один исторический период. Это связано с тем, что возникает спрос на такого рода продукцию. После Отечественной войны 1812 г. в моду входят предметы обихода, сделанные по европейским образцам. Но при этом изделия русских промыслов имеют свои неповторимые черты. В основе росписи лежат русские, часто народные, мотивы, близкие покупателям.

Спад производства произошел в конце XIX – начале XX вв. Деятельность гжельского промысла по существу не прерывалась. Но в конце XIX в. крупные фарфоровые заводы теснят продукцию промысла. Применяя механические способы декорирования фарфора (печать, декалькомания), они выпускают на рынок изделия, более дешевые по сравнению с украшенными ручной росписью.

Подобно другим народным промыслам, в 1910-е гг. Жостово переживало кризис. Спрос на подносы упал, производство сокращалось. Мастера уходили в сельское хозяйство, в отхожие промыслы. Та же ситуация была в Федоскино. В последней четверти XIX в., в связи с широким распространением художественной фотографии, жанр миниатюры приходит в упадок. В 1904 г. лукутинская фабрика была закрыта, мастера распушены по домам [11].

Массовое производство изделий, строительство крупных заводов и фабрик привели к упадку в среде народных художественных промыслов.

Продукция фабрик была дешевле, в то же время фабричные изделия утратили уникальность и самобытность ручной росписи. Также на ситуацию повлияла изменившаяся обстановка в стране. Период первой мировой войны и революционные годы оказались очень тяжелыми в жизни промыслов. Не было сырья и материалов, готовые изделия не находили сбыта. После революции 1917 г. многие предприятия были национализированы.

Новый этап в развитии промыслов наступил в 1920-е гг. В 1923 г. на Всесоюзной выставке в Москве федоскинским изделиям был присужден диплом I степени за высокую художественную технику. Изделия артели стали экспортироваться за границу, участвовать в международных выставках. В 1931 г., после более чем тридцатилетнего перерыва, по просьбе старых мастеров в Федоскино открылась профессионально-техническая школа, где обучали мастерству письма и изготовления полуфабриката. В 1960-х гг. появляются новые подходы к декоративным решениям федоскинских изделий. Происходит возрождение промысла, появляются авторские произведения, несущие новое понимание миниатюрной живописи на папье-маше, пробуются применение ранее не используемых материалов, реконструируются утраченные технологии. Особое внимание уделяется форме и назначению предметов, введению сюжетов с камерным звучанием. В темах преобладают теплые лирические мотивы. Именно в это время складывается целая плеяда талантливых художников: М.С. Чижев, И.И. Страхов, С.П. Рогатов, Н.И. Балашов, В.Д. Липицкий, А.И. Козлов, Г.И. Ларишев, В.Д. Антонов, М.Г. Пашинин и др. [9].

В 1920-е гг. с общим подъемом народного искусства и возрождением артелей возникли они и вокруг Жостова, а в 1928 г. объединились в одну – «Металлоподнос», с 1960 г. переименованную в существующую и поныне Жостовскую фабрику декоративной росписи. 1920–1930-е гг. были нелегкими в истории Жостова. Общие для советского искусства тенденции прямолинейного утверждения современности и реализма приводили к тому, что ведавшие народными промыслами организации пытались изменить традиционное направление их развития и внедряли в жостовскую живопись образцы орнаментальных и тематических композиций, созданные художниками-профессионалами без учета специфики местного искусства и несущие черты станковизма и натурализма. Ведущие художники Жостова (А.И. Лезнов, И.С. Леонтьев, Д.С. Кледов, Н.П. Антипов, Е.П. Лапшин, Н.Н. Гончарова, Н.Н. Мажаев, Б.В. Графов и др.) понимали чужеродность подобных новаций самой сущности народного творчества, умели противостоять им и направить новые идеи на углубление традиционного мастерства [6].

Гжель, как и многие промыслы, в 1920-е гг. начинает возрождаться, создаются артели, объединившие мастеров художественной керамики. Но лишь со второй половины 1940-х гг. наступает подлинное возрождение традиций Гжели под руководством ученого А.Б. Салтыкова при участии талантливой художницы Н.И. Бессарабовой. Эта работа была связана с восстановлением народного приема росписи, где широкий мазок с прорисовкой деталей создавал законченный рисунок орнамента. Одновременно шел поиск пластической формы изделий, имеющих определенное бытовое назначение. Их оформление синей кобальтовой росписью делало каждый предмет нарядным и привлекательным. Развитие искусства гжельского промысла в последующие десятилетия шло очень целенаправленно. К началу 1980-х гг. фарфор Гжели получил признание у нас в стране и за рубежом [8].

Таким образом, в том числе благодаря государственной поддержке, после революции 1917 г. народные художественные промыслы получили дальнейшее развитие. Были восстановлены производства, сформировались художественные школы. Изделия народных художественных промыслов получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

В настоящее время производства изделий народных художественных промыслов переживают не самый лучший период в своей истории. На современном этапе им достаточно сложно конкурировать с изделиями массового производства. В век технического прогресса становится все сложнее сохранять старые традиционные технологии. Но, тем не менее, изделия народных художественных промыслов до сих пор производятся по старинным технологиям и расписываются вручную. Именно поэтому им удается сохранить индивидуальность и самобытность.

Библиографический список

1. Богуславская И., Графов Б. Искусство Жостова. М., 1979.
2. Василенко В. М., Артамонов М. Федоскино. М.; Л., 1935.
3. Дулькина Т.И. Гжель. Тонкий фаянс. М., 2000.
4. Исаев А.А. Промыслы Московской губернии: В 2-х т. М., 1876–1877.
5. История промысла // Сайт «ЗАО “Объединение Гжель”». URL: <http://www.gzhel.ru/dir/95/> (дата обращения: 01.02.2012).
6. Романова И.А. Искусство Жостова. М., 1987.
7. Супрун Л. Я. Лаковая миниатюра Федоскино. М., 1987.
8. Уткин П.И., Королёва Н.С. Народные художественные промыслы. М., 1992.
9. Федоскино // Сайт «Измайловский кремль». URL: <http://www.kremlin-izmailovo.com/fedoskino> (дата обращения: 01.02.2012).

10. Чижов М.С. Среди миниатюристов: Записки федоскинского мастера / Под ред. Б.И. Коромылова; Оформление В.С. Ворониной. Л., 1982.
11. Яловенко Г.В. Федоскино. М., 1959.

Т.В. Антонова

А.И. Герцен: «Поднимите цензурный шлюз!...»

*200 лет со дня рождения
А.И. Герцена (1812–1870)*

В статье анализируется публицистика издававшейся в Лондоне А. Герценом и Н. Огарёвым газеты «Колокол», посвященная проблеме освобождения отечественной печати от цензуры. Рассматривается позиция А. Герцена относительно перспектив разрешения цензурного вопроса в России второй половины 1850-х – начала 1860-х гг.; отношение к действующему законодательству о печати и практике его применения. Раскрывается смысл герценовской формулы свободы печати.

Ключевые слова: «Колокол», цензурная реформа в России, свобода слова как программное требование «Колокола», реформы Александра II, реакционный курс правительства Александра II в области печати, либеральная бюрократия, Земский Собор.

Идеолог народнического, «общинного» социализма, А.И. Герцен на рубеже 1850–60-х гг. был убежден в том, что путь к нему открывала эпоха великих реформ императора Александра II, знаменовавшая, по его представлению, конец историческому «застою» страны, всему «дряхлому, отжившему, безобразному, рабскому, невежественному в России» [6, 1857, л. 1]. Важнейшим условием выхода из «никлаевской рутины», важнейшим инструментом социальных преобразований он считал «свободное русское слово», а первым шагом к освобождению личности «от насилия» – отмену цензуры как системы государственного контроля над печатным словом. Именно поэтому цензурный вопрос в России оказался одним из центральных в публицистике Герцена. Последовательности рассмотрения его на страницах «Колокола» и посвящена эта статья.

К тому времени Герцен, как известно, жил в Англии, где в 1853 г. основал Вольную русскую типографию и приступил к изданию альманаха «Полярная звезда», а с 1857 г. вместе с Н.П. Огарёвым – «Колокола». В «Предисловии» к «Колоколу» выбор Лондона для размещения русской типографии объяснен так:

*Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык
И не касалась окова
До человеческого слова [7, 1857, л. 1].*

За этой поэтической строкой Н.П. Огарёва читалась констатация того, что в Англии не было цензуры, что права авторов, редакторов и издателей были здесь защищены законом и судебной юрисдикцией. Ситуация в России складывалась иначе – там и в 1857 г. продолжал действовать николаевский цензурный Устав 1828 г., порядок предварительной цензуры, сохранялась ее множественность (общая и ведомственная цензура).

Предпринимая издание газеты, Герцен изложил «догматы веры», цель своей публичной деятельности – быть «везде, во всем, всегда со стороны воли – против насилия, со стороны разума – против предрассудков, со стороны науки – против изуверства, со стороны развивающихся народов – против отстающих правительств» [6, 1857, л. 1]; «дело русской пропаганды для нас не каприз, не кусок хлеба – а дело нашей жизни, наша религия, кусок нашего сердца, наша служба русскому народу» [Там же, 1858, л. 9].

Такая постановка предопределяла остроту неприятия редакцией «Колокола» цензуры и защиту идеи свободы слова. Объясняя исторический смысл права личности на свободное выражение мнения, Герцен повторил свою мысль, высказанную в 1855 г. в программе «Полярной звезды»: «Открытая вольная речь – великое дело, без вольной речи – нет вольного человека. Не даром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние...» [Там же, 1857, л. 1].

Теперь, когда «година мрака и печали» прошла, появилась надежда на смелые шаги нового императора в направлении освобождения печати от цензуры. «Колокол» адресовал ему призыв осознать назревшую потребность устранения цензурных пут: «В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой последнего верования, – чтоб с нее спали наконец ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы считаем первым необходимым,

неотлагаемым, шагом: освобождение слова от цензуры!» [6, 1857, л. 1]. «Поднимите цензурный шлюз», «Дайте свободу русскому слову», – таков был рефрен почти всех публичных обращений Герцена к Александру II. Пропаганда свободы слова «Колоколом» может быть остановлена, заявлял он, «только уничтожением цензуры» [Там же, 1858, л. 9].

Шло время, популярность «Колокола» в России росла, по словам Герцена, «crescendo». Издатели увеличивали тираж, месячную периодичность изменили на еженедельную [10]. «В твоих руках огромная власть, по твоим статьям поднимаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим “Колоколом” грозят властям. Что скажет “Колокол”? Как отзовется “Колокол”? Вот вопрос, который задают себе все, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всех классов» [4, с. 384–385]. Создавалась даже иллюзия, что Герцен и Александр II, как «союзники на благо и счастье России», подадут друг другу руки [Там же].

Но, несмотря на то, что в кругу читателей «Колокола» находились правительственные лица и даже сам император, имя Герцена, его сочинения и издания оставались запрещенными в России. Это обстоятельство, однако, не влияло на мнение Герцена о царе-реформаторе. Личность государя, провозгласившего необходимость отмены крепостного права, за подготовкой которой он следил «всеми нервами», являлась для него до 1860-х гг. неприкасаемой. Отвечая в 1859 г. на упрек одного из корреспондентов «Колокола» в том, что он находится «в другом отношении к Александру II, чем был к Николаю», Герцен пояснял: «Нет, не я переменялся, а Николай, именно тем, что умер. Как же я могу относиться к Александру II, который никого не казнил, никого не ссылал на каторжную работу за мнения, не брал Варшавы, не мстил Польше десятки лет, не губил русские университеты и русскую литературу, так, как относился к Николаю? И это не все. Александр II, и никто другой, поднял крик “освобождения крестьян” и, если он ничего не сделает, если этот вопрос и его решение ускользнут из неловких его рук, то и тогда имя его останется в истории наряду с венценосцами-реформаторами» [6, 1859, л. 32–33]. «Великий почин» Александра II в деле «общего освобождения» Герцен оценивал, как борьбу «во имя человеческих прав», за что в 1861 г. приветствовал его именем «Освободителя» [3, т. XV, с. 52].

Виновными в проявлении «невежественной нетерпимости» к «Колоколу», его запрещении в России, в Пруссии, Саксонии Герцен считал окружавших царя сановников, среди которых были «защитники розог и крещеной собственности», «николаевские жандармы, оставленные теперь без работы» [Там же, т. XVII, с. 210]. Он был убежден в том, что в России «реакция сильна» из-за «упорнейшей дворянской оппозиции»

[3, XXVI, с. 151], а «Александр в ярости, но слаб и всецело в руках него-дьяв», «дворян не позволяет ничего» [Там же].

Тем не менее, в одной из публикаций 1858 г., когда в России был учрежден еще один надзирающий за печатью административный орган, прозвучало сомнение Герцена: «Жаль, если это идет от государя: это так недостойно его» [6, 1858, л. 16]. Он имел в виду тройственный комитет (по аналогии с «Bureau de la presse» во Франции при Наполеоне III). В состав комитета входили: от Третьего Отделения С.Е.И.В. канцелярии – «ненавидевший журналистику и гласность» [цит. по: 2, с. 38] генерал А.Е. Тимашев, от Министерства внутренних дел – Н.А. Муханов, от Министерства двора – А.В. Адлерберг. Предназначение комитета заключалось в усилении централизации в делах цензуры [2, с. 38].

Тогда же издатели «Колокола» писали об истоках «словобоязни», поражающей «всякое деспотическое» правительство, всякую власть: «Неужели всякой власти, даже той, которая хочет добра, написано на роду не уметь иначе слушать истину, как обернутую во фразы битого раболепия, как посланную пошлою лестью. Язык свободного человека режет ухо» [3, 1858, л. 9]. Здесь очевидно тревожное предположение о причастности «доброй» власти императора к дискриминационным решениям в отношении печати.

И все же на исходе 1850-х гг. Герцен не знал, что мысль о консервации института цензуры исходила не только от «николаевских рутинеров», но и от самого императора. Александр II был недоволен тем, что цензура «бездействовала, существовала только по имени» [цит. по: 2, с. 46]. Он не разделял «мнения тех, которые желали ее уничтожить» [цит. по: 2, с. 39] и цель будущей реформы видел том, чтобы цензура не только сохранилась, но «стала работающей» [Там же], т.е. эффективной в противодействии общественной прессе, ее прорыву к обсуждению социально-политических вопросов, реформаторских планов правительства. Министры народного просвещения, А.С. Норов и Е.П. Ковалевский, теряли свои посты из-за неспособности пересмотреть цензурный Устав в духе этих жестких требований. Они выступали «за долю благоразумной свободы», за необходимость «согласить» в новом законе интересы власти и печати. Либеральная мимикрия бывшего николаевского сановника А.С. Норова отражена в его Всеподданнейшей записке, где он признавал «наступление новой эпохи, в которую литература призвана сыграть немаловажную роль» [цит. по: 9, с. 404–405], но при существующих цензурных правилах она этого сделать не может, и тем самым правительство лишается «надежнейшего пособия, нравственной силы» [Там же] и содействия общества.

Того же взгляда придерживался барон М.А. Корф, на которого император рассчитывал возложить обязанности министра цензуры. При обсуждении с Александром II проекта «Министерства цензуры» Корф заявил, что «в деле литературы нельзя идти назад», что новое министерство не должно быть «орудием погашения мысли», а, напротив, должно «выкинуть знамя покровительства литературе» [цит. по: 1, с. 38].

Герцен из «лондонского далека» всех этих различий в позиции императора и некоторых чиновников из николаевской эпохи не видел. Он трактовал их исключительно в обратном смысле: император – поборник реформ, трудно преодолевающий сопротивление высшей бюрократии. Барон М. Корф, к примеру, для него навсегда утратил авторитет как автор «Истории восшествия на престол императора Николая Первого», где участники восстания 14 декабря 1825 г. названы государственными преступниками. Казус с бароном Герцен описал в «Колоколе»: «Быть цензором Корфу – не в первый раз, он участвовал в знаменитой, в великой, в террористической цензуре, в комитете общественной гибели, учрежденном Николаем 2-го апреля 1842 года». Отказ царя от идеи создать «Министерство цензуры» во главе с ним он объяснил высочайшим неодобрением попытки барона договориться о покупке «в казну» за 200 000 руб. «щегольского» дома М. Шишмарёва у Аничкова моста в С.-Петербурге, вместо того, чтобы разместить цензуру в здании закрытого педагогического института. В 72-м листе «Колокола» за 1860 г. был опубликован текст письма Корфа Шишмарёву, где оговаривались детали этой сделки. Герцен не придал никакого значения тому, что в своем письме Корф ссылаясь на договоренность с императором, который накануне разрешил ему подобрать здание по его усмотрению. Комментарий «Колокола» к письму Корфа, помещенный под общим заглавием «*Souvenirs modestes*¹ о мертворожденной цензуре Корфа», был следующим: «Само собой разумеется, что Корф нашел институтское здание для себя негодным. Доклад об этом он заключил просьбою об увольнении его от новой должности, к которой признает себя не способным, потому что на первых порах имел несчастье навлечь на себя гнев монарха. Государь согласился. Цензура осталась по-прежнему при министерстве народного просвещения. Корф – в положении кн. Долгорукой, лишившейся Петра II накануне свадьбы – не мог вынести своего *девичьего вдовства* (выделено в тексте. – Т.А.) и слег в постель» [6, 1860, л. 72].

Герцен не был осведомлен о других деталях этой истории, но, если бы и был, то они оказались бы вне его интереса. На одной из встреч Корфа

¹ *Souvenirs modestes* (франц.) – скромные воспоминания.

с императором обсуждался вопрос о составе предполагаемого министерства цензуры. Корф выразил мнение о необходимости привлечь людей просвещенных, не связанных с жандармерией. Император, напротив, считал, что жандармский генерал А.Е. Тимашев должен быть приобщен к министерству цензуры, чтобы «облегчить между ним и жандармскою частью необходимые отношения» [цит. по: 5, с. 96–97]. Кроме того, Корф изложил свое видение предназначения министерства в духе ожиданий обществом либеральных уступок со стороны власти. Сам Корф считал, что именно его взгляд на принципы деятельности министерства цензуры вызвал скепсис императора, и он более не удостоивал его приглашением к обсуждению проекта. На эту паузу Корф ответил прошением об освобождении его от еще не назначенной официально должности министра. Император ответил молчанием. Но молва, докатившаяся до Лондона, принесла информацию о случае с Корфом как о коммерческой интриге сановника [5, с. 96–97].

«Светлое упование» и «твердая надежда» на волю царя-реформатора исчезают в публицистике «Колокола» в 1860 г. Такова была реакция на известия из России о цензурных ограничениях в отношении журналистики, обсуждавшей крестьянский вопрос, о сдерживании темпа в работе Главного крестьянского комитета и пр. Вместо слов поддержки Герцен недоумевал: «Чего же испугался государь?». По его предположению, силы реакции побеждали царя, поэтому начатое пять лет назад дело освобождения, застопорилось. «Колокол» упрекал императора в попытке «идти двумя путями», в топтании на месте, в противоречивой, непоследовательной политике: «Нельзя желать гласности – и усиливать цензуру. Нельзя желать просвещения – и гнать студентов от университетских ворот. ...Нельзя начинать новую постройку – и брать помощников из богадельни прошедшего» [6, 1860, л. 60]. «Боясь призраков в якобинской шапке», император, писал Герцен в передовой статье первого номера за 1860 г., «глядит шакалов в генеральских эполетах; боясь демократической страницы в журналах – не боится олигархических грамот в бархатной книге» [Там же].

Тактика «Колокола» была изменена: «Ослабим правительство нашим неучастием. Дела и с ним стоят, а *делопроизводство* (выделено в тексте. – Т.А.) не остановится. У него и без нас довольно помощников, оно развело во всех канцелярских щелях – писарей, бюрократов-немцев, бюрократов-доктринеров... Из благодарности они должны остаться с правительством, как мыши с тонущим кораблем... А мы будемте *сами собой* (выделено в тексте. – Т.А.)!» [Там же]. Цензурную практику правительства издатели «Колокола» оценивали фактом внешним: «Русская литература за грани-

цей растет не по дням, а по часам, – какое ясное доказательство того, что нам *есть что сказать* (здесь и далее выделено в тексте. – Т.А.) и что нам *нельзя говорить дома*» [6, 1860, л. 83].

Появление в 1861 г. царского «Манифеста», провозгласившего отмену крепостного права в России, Герцен встретил сочувственно, но с оговоркой: «Слово освобождения сказано! Государь признался. Это дело великое, но не всё – слово должно стать делом, освобождение стать истиной!... Скорее, – скорее второй шаг!» [Там же, 1861, л. 95]. «Вторым шагом» должна быть отменена цензура. Но теперь «Колокол» возлагал надежды не на императора, а на либеральную бюрократию, группировавшуюся вокруг брата царя, великого князя Константина Николаевича, и ему адресовал слова поддержки: «Борьба Ваша, Константин Николаевич, – легка; с Вашей стороны не только справедливость, но все думающее и все страдающее, меньшинство образованных людей и большинство массы... Но вряд ли можно успеть во многом одним канцелярским порядком, одной бюрократией. Окружите себя свежими, живыми людьми, не рутинистами, ни доктринерами, а людьми понимающими, любящими Россию, и, главное, не бойтесь гласности, как бы она ни была резка! Вспомните один пример. Вольнее нашего никогда не раздавалась русская речь. Что же говорила она, что поставила на своем знамени... освобождение крестьян с землею, уничтожение телесных наказаний, гласность в суде и печати. Прошло шесть лет..., и несколько дней спустя всенародно возвещено уничтожение крепостного права. Вы сами стараетесь вывести во флоте телесные наказания. *Черед за гласностью* (выделено в тексте. – Т.А.)!» [Там же].

Один из «константиновцев», А.В. Головнин, назначенный в декабре 1861 г. на пост управляющего Министерством народного просвещения, был отмечен доброжелательной репликой «Колокола»: «Головнин приобрел известность человека благонамеренного, образованного, современного... что-то он сделает министром? Наследнику преступного и безобразного министра Путятина... легко сделать много пользы и еще легче бездну вреда. Желали бы мы с надеждой встретить появление Головнина в министерстве, но мы застрашены и предпочитаем молча ждать, что он сделает» [6, 1862, л. 119–120].

Министр Головнин стремился ввести те принципы, которые составляли «дух и смысл» реформ 1860-х гг. так, как он их понимал: законность взамен произвола, равенство перед законом вместо привилегий, свободу и простор вместо стеснений, гласность вместо прежней тайны [2, с. 42]. В отношении оппозиционной литературы он считал, что «сильное опровержение полезнее запрета» [Там же, с. 46]. При нем имя Гер-

цена впервые было названо в российской прессе (в журнале «Русский вестник» № 6 за 1862 г.) в «Заметке для издателя “Колокола”», написанной М.Н. Катковым.

«В русской журналистике переворот, – писал по этому случаю Герцен. – Дозволено явно нападать на “Колокол”, печатать статьи против нас» [3, XXVII, с. 240]. «Раскрепощение» своего имени он воспринял как разрешение (наполовину) вернуться в Россию [Там же]. Головнин предполагал организовать публичную дискуссию с «Колоколом», определил для этой роли газету П. Усова «Северная пчела». Но вскоре он отказался от такого намерения, понимая, что «правительство будет находиться в постоянной полемике с этим враждебным ему изданием, невыгода окажется на стороне правительства» [1, с. 63].

Непримиримое консервативным окружением императора либерального направления Головнина порождало много инсинуаций. Одна из них – тайные контакты Головнина с редакцией «Колокола». На самом деле Герцену не было дела до тех трудностей, которые переживал Головнин, желая не допустить крайностей в поведении прессы, чтобы добиться у императора согласия на такой вариант цензурной реформы, который был бы первым шагом к последующему освобождению отечественной печати, чтобы отношения власти и литературы основывались не на «жандармском праве» и «грубом произволе», а на строгой законности, открытости и доверии [Там же, с. 62–63]. Неудача этой тактики привела в 1863 г. к отказу министра от управления делами цензурного ведомства. Тем самым Головнин в некотором смысле сломал прежнюю цензурную систему. Подведомственность цензуры Министерству народного просвещения была определена первым цензурным Уставом 1804 г. Александра I, сохранялась она и при Николае I. Головнин заявил императору об истинном предназначении Министерства просвещения – не преследовать, а покровительствовать литературе [Там же, с. 70]. Цензурные учреждения империи были переданы императорским Указом 12 января 1863 г. Министерству внутренних дел, на «котором не лежала обязанность отыскивать средства к развитию литературы». Последующая цензурная реформа (1865 г.) закрепила этот порядок.

Отношение Герцена к практике Головнина формировалось другими фактами. В редакцию «Колокола» постоянно шла корреспонденция из России о многочисленных цензурных казусах. Имена петербургских и московских цензоров, чиновников Главного управления цензуры мелькали на страницах газеты в заметках под заголовками «Мракобесие цензуры», «Цензуроквизиция литературы», «Временно-обязанная Головнину литература» и пр. Временное (до восьми месяцев) запрещение в 1862 г.

столичных журналов демократического направления («Современника», «Русского слова»), славянофильской газеты «День» Герцен оценил как «самый опасный и бессмысленный террор оторопелой трусости» [6, 1862, л. 139]. Оттепель ожидалась, но не наступила.

Еще более резким становится тон «Колокола» в связи с подавлением правительством польского восстания в 1862–1863 гг. Современное положение России оценивалось жестко: «Палачество в Польше и мнимые реформы дома» [3, XXVII, с. 151]. В письме к Дж. Гарibaldi в мае 1861 г. Герцен писал: «Какое это огромное несчастье, что император Александр запянул себя кровью. А дела у нас шли превосходно – через два года (т.е. 3 марта 1863 года) все дело освобождения должно было бы завершиться – и мы бы приступили к ряду необходимых социальных реформ» [Там же]. Теперь «Колокол» прогнозировал неуспех всех предстоящих изменений: «Сильное самодержавие никакой освободительной реформы создать не захочет; а бессильное самодержавие никакой освободительной реформы создать не может» [6, 1863, л. 166]. Император, «взяв Варшаву», в глазах Герцена стал олицетворением той власти, которую возглавлял как самодержец. До этих событий в восприятии Герцена личность императора была дистанцирована от системы, доставшейся ему по наследству и которую, как ему хотелось верить, тот мог изменить.

Проект нового цензурного устава, подготовленный комиссией кн. Д.А. Оболенского в 1863 г., был назван «величайшей нелепостью» [Там же]. Герцен и Огарёв считали противоречащим принципу «действительного» освобождения частичную замену предварительной цензуры карательной вместо полного ее уничтожения. При этом издатели, казалось бы, оставили без ответа вопрос относительно альтернативы реформы печати и свели проблему к лозунгу «Долой цензуру!».

Цензурная реформа (закон 6 апреля 1865 г.) завершилась паллиативными решениями, частичным усечением предварительного контроля над книгоизданием и прессой Москвы и Петербурга, укреплением системы административного наблюдения и преследования печати за «вредное направление». Старый порядок, по оценке «Колокола», лишь покачнулся, но устоял: «Надтреснула цензура – и ее оставляют скорее допускаяемым злом, чем защищаемой необходимостью» [6, 1865, л. 197]. Реформа дала Огарёву повод для детального разбора ее юридических формул. Вывод публициста сводился к признанию того, что закон обеспечивал «больше стеснение, чем освобождение печати» [Там же, л. 201], являясь «одной из самых странных правительственных реформ» [Там же]. Наиболее противоречивой чертой закона Огарёв называл «помесь предварительной цензуры со свободой печати» [Там же], заимствованную из практики

Наполеона III. Русская копия французского закона («Органического декрета» 1852 г.), подчеркивал автор, далеко превышала «безнравственностью простое приказание Наполеона III – останавливать издание во время печатания, чтоб подвергнуть его цензуре или запрещению. У нас мышеловка бесцензурности повторяет в другой форме право администрации останавливать издание до выхода в свет... У нас администрация имеет право преследовать автора и издателя *не вышедшего в свет сочинения* (выделено в тексте. – Т.А.) административным и судебным порядком. Это немножко покрепче наполеоновского указа, составляет подкуп под личность автора и издателя» [6, 1865, л. 201]. Установленный порядок, по которому администрация могла осуществить в отношении «освобожденных», но не вышедших в свет изданий, наказание, будто они «уже дошли до читателя и произвели в обществе смуту» [Там же], Огарёв считал уязвимым с точки зрения здравого смысла. Административное преследование прессы «не ставило границы правительственному произволу – от высочайше утвержденной виселицы до высочайше разрешенной опеки карательного надзирателя» [Там же].

Судебная ответственность авторов, редакторов и издателей, освобожденных от предварительной цензуры периодических и книжных изданий, воспринятая многими публицистами в России с энтузиазмом (И.С. Аксаков, К.К. Арсеньев, А.А. Краевский и др.) и надеждой (М.А. Антонович), не вызвала оптимизма в редакции «Колокола». Огарёв утверждал, что статьи о судебной юрисдикции изложены так неопределенно, что «суд, обычно подчиненный правительству, может подвести под любое наказание всякую статью, в которой встретится суждение о несправедливости закона или о несправедливости правительственного чиновника» [6, 1865, л. 202], что суд может «сгубить книгу и автора или журнал и его издателя и ответственного редактора, как скоро это правительству нужно» [Там же]. Старый николаевский Устав теперь представлялся издателям более лояльным к печати по сравнению с новым законом. Так, замена Министерства народного просвещения Министерством внутренних дел, как высшей административной инстанции в делах печати, не сулила последней легких отношений с властью. «Что же тут лучшего?», – спрашивал Огарёв. И отвечал: «Там было какое-то притворное уважение к печати, то есть к просвещению – так что дела печати не были в непосредственном заведывании полицейских властей, по крайней мере, по букве закона; теперь же составилось притворное освобождение от цензуры, причем печать совершенно отдается под полицейское заведывание... Цензорами могут быть назначены – не академики, не профессора, а просто шпионы... Преследования

Министерства внутренних дел против печати будут совершенно совпадать с преследованиями III-го Отделения и с общим им обоим невежеством и палачеством» [6, 1865, л. 202].

В дальнейшем на страницах «Колокола» печатались корреспонденции из России о преследовании столичной «бесцензурной» печати по новым правилам. К примеру, отдел «Смесь» последнего номера газеты за 1865 г. полностью посвящался цензурной теме. Сообщалось о запрещении пьесы А. Потехина «Отрезанный ломоть», о первом предостережении министра внутренних дел П. Валуева журналу «Современник» и о первом судебном процессе по делам печати над П. Бибиковым за книгу «Критические этюды». В последних номерах «Колокола» 1866–1867 гг. эти факты дополнялись информацией о «закрытых» заседаниях «гласного» суда («Письмо москвича»), о новых министерских предостережениях журналистике и других административных окриках в адрес прессы, о мерах стеснения печати после каракозовского выстрела (апрель 1866 г.), о запрещении отдельных изданий без судебного решения, о конфликтах издателей с духовной цензурой. Кстати сказать, духовная цензура, т.е. цензура Академии православного вероисповедания, издателями «Колокола» была названа «ненужным учреждением», позорящим правительство России: «Если уже реформирующее правительство не умеет похерить духовную цензуру, то пусть оно ограничит власть ее районом, то есть церковной литературой, а науку оставит от нее свободною. Духовная цензура – если за ней будет оставлена такая власть – может запретить всякий учебник астрономии, потому что по *религии* (здесь и далее выделено в тексте. – Т.А.) – солнце останавливалось с приказа Иисуса Навина, а по математике оно остановиться не могло... Дайте же, наконец, свободу – если не фантазии, то, по крайней мере, *разуму*» [Там же, 1866, л. 238–239; 244–245].

Таким образом, формулу свободы печати издатели «Колокола» выстраивали на отрицании и старого порядка предварительной цензуры, и тех «льгот», которые были дарованы российскому книгоизданию в апреле 1865 г. Но на самом деле она была глубже этого отрицания. Ее существенные параметры обнаруживаются в публицистике, посвященной земскому самоуправлению. В 1863 г. в «Колоколе» был напечатан цикл статей Н. Огарёва «Расчистка некоторых вопросов. Конституция и Земский Собор». В этой публикации, а также в статьях «Общего Веча» (приложения к «Колоколу»), обосновывалась необходимость созыва, «поуездно и бессословно», общероссийского Земского Собора. «Куда бы мы ни обернулись – мирно ли пойдём через дарованную конституцию к Земскому Собору, или через страшные потрясения к тому же Земскому Собо-

ру – Земский Собор все же единственный исход внутреннего русского движения, потому что мы только этим путем можем прийти до устава, выражающего народный *состав* (выделено в тексте. – Т.А.), можем довести до представительства существующие в народе элементы и поставить их в возможность пойти и в корень и в рост» [6, 1863, л. 175]. Выросший на почве российской исторической традиции, Земский Собор – единственно возможное, по мысли издателей «Колокола», легитимное собрание представителей всей страны. При этом судьба Романовых – вопрос второстепенный: «Сохранится ли или нет династия Романовых – это совершенно равнодушно. Одно ясно: единодержавие – значит общий гнет, союз самобытных областей – значит свобода» [Там же]. Накануне земской реформы 1864 г. Герцен писал: «Итак, остается созыв “великого собора”, без различия классов, – единственное средство для определения действительных нужд народа и положения, в котором мы находимся... Каково бы ни было первое Учредительное собрание, первый парламент – мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами. С этими данными мы можем двигаться вперед» [3, т. XX, с. 78–79].

Н.М. Пирумовой по этому поводу было высказано убеждение в том, что Герцен «сделал еще один шаг в своей теории общинного социализма, придя к необходимости созыва Учредительного собрания» [7, с. 202], хотя «сама теория, являясь разновидностью утопического социализма, в реальных условиях того времени не могла быть осуществлена» [Там же]. Е.Л. Рудницкая, напротив, говорила о «рецидивах либеральных колебаний» [8, с. 247] Герцена. Издатели «Колокола» рассматривали Земский Собор (или Учредительное Собрание) как модель, которая была органично связана с исторической традицией русской соборности, с общинностью, несла на себе «печать народного духа». Утратив надежду на глубокие преобразования «сверху» волей царя-реформатора, Герцен увидел в ней такую форму нового устройства России, которая позволила бы развиваться и справедливым социальным отношениям, и демократическим свободам. Следовательно, в теории общероссийского Земского Собора, пропагандировавшейся «Колоколом» в 1863–1864 гг., воплощалось представление его издателей о единственно возможном, по их убеждению, способе разрешения всех насущных вопросов русского «освобождения» – и социальных, и политических. Эта теория заключала альтернативу цензурным преобразованиям по программе правительства и по программе, сформулированной в эти годы на страницах российской прессы, – постепенное движение к свободе печати, понимаемой как отсутствие административного контроля и судебная ее ответственность [2].

Таким образом, очевидно, что посвященная цензурной теме публицистика «Колокола» имела свою специфику. Ей свойственно абсолютное (без паллиативных решений) отрицание правительственной цензуры как системы контроля над словом. Отсюда адресованное власти категоричное требование – «Поднимите цензурный шлюз!». Издатели «Колокола» рассматривали ценность свободы печати, как и других демократических прав и свобод личности, в социальном аспекте, как инструмент разрешения социальных проблем страны. Адресаты требований «Колокола» менялись: до 1860 г. надежды на демонтаж цензуры были связаны с усилиями царя-освободителя, потом до 1862 г. – с либеральной бюрократией и, наконец, с 1863–1864 гг. – с Земским Собором, который сделает то, что не хотел и не мог сделать самодержец по отношению к общественной печати. Радикализация лозунга «Долой цензуру!» нарастала в «Колоколе» по мере разочарования его издателей в освободительном процессе «сверху» и его социальных результатах.

Библиографический список

1. Антонова Т.В. Борьба за свободу печати в пореформенной России 1861–1882 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
2. Антонова Т.В. Цензура и общество в пореформенной России. М., 2003.
3. Герцен А.И. Собр. соч. в тридцати томах. М., 1954–1964.
4. Герцен и Огарёв // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62.
5. Герасимова Ю.И. Кризис правительственной политики в годы революционной ситуации и Александр II (По документам личного архива) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1962. С. 96–114.
6. Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева. Факсимильное издание. М., 1962. Вып. I–X.
7. Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
8. Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864–1873. М., 1984.
9. Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). СПб., 1892.
10. Эйдельман Н.Я. «Колокол» и его корреспонденты. (Первая половина 1858 г.) // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1974. С. 174–193.

Е.М. Гостюшева

Историографическая концепция народников (региональный аспект)

Региональная народническая концепция развивалась неотрывно от общероссийских тенденций, но имелись и свои специфические особенности. Можно проследить преемственность между родоначальниками народничества А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским, М.А. Бакуниным и региональными исследователями-народниками 1880–1890-х гг. П.А. Голубевым, Н.М. Зобниным, И.Е. Овсянкиным, Н.М. Тыжновым, Л.С. Чудновским, С.П. Швецовым. Нельзя не указать влияние сибирского регионалиста П.А. Шапова на формирование в целом народнической историографии. Основная линия, которая прослеживается в работах народников – это желание привлечь внимание правительства и общественности к социально-экономическим проблемам региона, стараясь убедить его в необходимости предоставления прав этого края на доступ к ценностям общечеловеческой культуры, на экономическое благоустройство и собственно гражданское развитие.

Ключевые слова: народники, региональный аспект, исследователи-народники 1880–1890-х гг., П.А. Голубев, Н.М. Зобнин, И.Е. Овсянкин, Н.М. Тыжнов, Л.С. Чудновский, С.П. Швецов, сибирский регионалист П.А. Шапов.

Историографическая концепция народников имеет глубокие корни. Обращает на себя внимание многообразие идейных истоков народничества и различных его интерпретаций. В этой идеологии можно отчетливо проследить влияние мировоззренческих ценностей эпохи Просвещения, западноевропейского социализма, немецкой философии (по преимуществу это идеи Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Фихте, Л. Фейербаха). Правда, первоначальные ориентиры оппозиционно настроенной русской интеллигенции – просвещение народа, вера во всемогущество разума и науки – получили свое развитие, прежде всего, в дворянском либерализме. Однако либеральная доктрина, нацеленная в основном на развитие отдельной личности, полностью исключала сохранение традиций взаимопомощи и взаимоподдержки, присущих массовому сознанию русского общества. Своеобразной реакцией на либерализм становится социалистическая альтернатива. Это противостояние двух парадигм хорошо прослеживается в работах А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского.

Для родоначальников русского народничества общечеловеческая цивилизация должна двигаться эволюционно–поступательно по

направлению к социализму. Позиция мыслителей-народников считается альтернативной по отношению к тому варианту решения аграрного вопроса в России, который предлагали западники. Либеральные деятели в период подготовки реформы 1861 г. считали целесообразным уничтожение общинной формы землепользования как низшей, архаической. Народники, наоборот, делали ставку на традиционную русскую общину. Здесь ярко прослеживается влияние славянофильства на мировоззрение основоположников народничества. Вместе с тем они эволюционировали в ином направлении, нежели славянофилы, выдвинув теорию «скачка», необязательности прохождения Россией буржуазной стадии с целью достижения национального социализма и соединив свою концепцию с программой антикрепостнических и антиабсолютистских преобразований. Определяющим моментом для идеологических постулатов родоначальников народничества послужила известная социальная однотипность общинной формы отношений и собственно идеалов социализма. Поэтому тот факт, что община в России «дожила» до эпохи, когда на повестку международного исторического процесса ставится вопрос о социализме, являлся для них чрезвычайно благоприятным обстоятельством. Органически присущий Герцену и Чернышевскому историзм позволял им намечать стратегические задачи развития страны, не отвергая идей преемственности и возможности преобразования этого традиционного института. В результате признания действительными определенных свойств, присущих национальному (крестьянскому) сознанию, они пришли к оценке данного фактора как системообразующего в создаваемой исторической концепции и не менее важного в прогнозировании будущего.

До 60-х гг. XIX в. взгляды родоначальников народничества оставались «чистой» теорией, социологической гипотезой. В 1860-е гг. на формирование исторической мысли в России все большее влияние оказывает позитивизм, воспринявший от рационализма XVIII в. веру в возможность безграничного прогресса общества, убеждение в определяющей роли научных и технических знаний для всего исторического развития. Как и рационалисты, они ссылались главным образом на достижения математики и механики. Позитивисты считали, что наука складывается из двух элементов: во-первых, из установления фактов (в их прямом восприятии); во-вторых, из разработки законов, путем обобщения фактов посредством индукции. Познание закономерностей общественного развития позитивисты объявляли целью истории. Результатом выполнения первой части их программы – установление фактов – был громадный прирост исторического знания, основанного на пристальном внимании к деталям,

предельной точности в исследовании источников. Усилиями историков были изданы и подвергнуты критике многочисленные коллекции источников: королевских указов, хроник, актов, археологических материалов. Один из основоположников позитивизма французский философ О. Конт отводил истории вспомогательную роль в научном познании. Он предложил создать новую теоретическую науку – социальную физику, или социологию, которая должна была стать «сверх-историей». Именно социологам, по мнению позитивистов, предстояло научно осмыслить исторические факты, открыть законы и тем самым поднять историю до ранга науки. Конт придавал огромное значение влиянию социальных факторов на деятельность человека, социально-политического контекста – на развитие культуры.

Распространение идей О. Конта приходится на конец XIX в. В 1880-е гг. позитивизм в России становится предметом напряженного общественного внимания: 1885–1886 гг. в истории науки исследователи называли «годами Конта». Необходимо отметить, что первые российские ученые-социологи, разделяя в какой-то мере оптимистичность позитивизма, критически относились ко многим идеям О. Конта и его сторонников [12, с. 181–189].

Большое влияние на генезис региональной народнической концепции оказал профессиональный отечественный историк А.П. Шапов. Он первый использовал для объяснения специфики исторического процесса в нашей стране демографические идеи. А.П. Шапов настойчиво ставил вопрос о переоценке места и значения трудового народа в истории России. Уже в его докторской диссертации проявился коренной принцип, которому ученый следовал неизменно – единство науки и жизни. Он пытался найти объяснение многим повторяющимся явлениям в историческом прошлом русского народа. Народ для Шапова – это, прежде всего, производитель материальных благ и устроитель земли русской. Согласно его воззрениям, русская история «есть история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации и разнообразного политического положения областей...» [17, с. 648]. Анализируя отечественную историографическую ситуацию, сложившуюся во второй половине XIX в., А.П. Шапов замечал, что историки традиционного, консервативно-охранительного направления по преимуществу уделяют внимание государственному началу, выдвигая на первый план политическую деятельность правительства. Под нее затем подводятся все разнообразные факты локальной исторической жизни. В противовес централистскому детерминизму А.П. Шапов писал о необходимости локализации исто-

рии. Каждая область России имела свой неповторимый облик, поэтому совокупную интегральную историю России невозможно понять и объяснить без соответствующего изучения местной истории, без вычленения ее провинциального разнообразия. Будучи одним из предшественников современной регионалистики, А.П. Шапов составил обширную программу «областных» исследований. По мнению историка, предметами научного анализа должны стать следующие явления локальной жизни: региональные особенности сознания, материальной и духовной культуры, политического и социального самосознания [17, с. 652]. В сущности, регион – территория, отличающаяся характерным направлением развития экономико-географических, социально-демографических, культурных и политических структур, совпадающая или несовпадающая с государственным административным делением.

Ключевая категория «областности», по мнению А.П. Шапова, должна составлять основу периодизации общенациональной истории. Преувеличивая демократизм сельских общин, миров и сходов, областных советов и городских собраний, исследователь считал необходимым учитывать в современной жизни если не сами формы самоорганизации народного управления, то хотя бы их главные, системообразующие принципы. А для того, чтобы понять подлинную жизнь народа, по мнению историка, надо, прежде всего, выяснить, каким способом исторически видоизменялась сама форма «областности». Согласно мнению Шапова, основной научной целью регионалистики является анализ основных сфер жизнедеятельности каждой провинции. Причем они должны рассматриваться не изолированно, а как неотъемлемые составные части органического процесса генезиса общероссийского социума и, в перспективе, национальной государственности – федерального союза всех русских земель. Идеи шаповского регионализма находили сочувствие и широкую поддержку среди представителей сибирского областничества. Таким образом, в творчестве А.П. Шапова концепция регионализма получила научное историографическое обоснование [14, с. 34].

Шапов разделял увлечение сторонников демократического движения естествознанием и внедрением его в разные сферы деятельности. Он пытался положить в основу изучения общественных взаимоотношений законы и методы естественных наук. Знание природы есть первый, главный, существенный экономический фактор и могучая сила, которой предстоит преобразовать социально-экономический мир. Прогресс есть борьба мысли с неумолимыми законами физической природы и столь же неумолимыми антисоциальными инстинктами человечества. Историк активно сотрудничал с восточносибирским отделом Русского

географического общества, находившегося в Иркутске. На средства, предоставленные обществом, он совершил несколько экспедиций.

Отсутствие (или, вернее незначительность) помещичьего землевладения в Сибири способствовало распространению в либеральных кругах русской общественности мифа о свободе и независимости населения Алтая. Весьма расхожим оказалось мнение, что Алтай – это «рай мужиков», «страна вольности», свободная от крепостничества. Но в результате более детального изучения социально-экономического развития региона демократически мыслящие исследователи пришли к диаметрально противоположным выводам. Представители народнического направления изначально предпринимали все, чтобы привлечь внимание образованных слоев российского общества к достаточно острым социальным проблемам региона, находящегося в частной собственности правящего императора, т.к. данный факт определял все стороны жизни Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

Особый статус округа, превращенного Елизаветой Петровной в 1747 г. в один из важнейших источников дохода императора, предопределял традиционную тесную связь истории региона с господствовавшим в России политическим режимом. Для превращения колывано-Воскресенского округа в один из промышленно развитых горнозаводских районов России широко использовался экономический, финансовый, военный потенциал государства и его квалифицированные людские ресурсы [15, с. 12]. Руководители металлургического производства колывано-Воскресенских заводов с 1761 г. входили в наиболее привилегированный слой русского общества – корпус горных офицеров, зачисление в который фактически гарантировало получение потомственного дворянства. Казенная промышленность делилась с Колывано-Воскресенскими предприятиями квалифицированными специалистами. «Сюда назначались, – писал П.А. Голубев, – уже испытанные и зарекомендовавшие себя наиболее известные начальники со знаменитых казенных заводов Тульского, Златоустовского, Горноблагодатских и Богословских, а иногда профессора Горного Института» [3, с. 40]. Колывано-Воскресенские заводы не платили казне традиционных податей за производство драгоценных металлов, которыми в обязательном порядке облагались все другие частные предприятия. Кроме того, местные казначейства регулярно предоставляли им на внутренние потребности беспроцентные годовые ссуды из собираемых с населения налогов. Колывано-Воскресенские мастеровые, работные (рабочие) люди значительно раньше своих собратьев на государственных заводах освободились от подушного тягла, рекрутской повинности и других «общенародных тягостей» [15, с. 13]. Но взамен они

принуждались к выполнению целого ряда других, еще более обременительных повинностей.

Алтай стал объектом повышенного интереса со стороны основоположников народнического движения. Так, уже А.И. Герцен и Н.П. Огарёв на страницах изданий Вольной русской типографии обличали практиковавшуюся на этой отдаленной от центра территории Российской империи крепостническую эксплуатацию горнозаводского населения и чиновничьи злоупотребления. Сибирскими корреспондентами лондонской эмигрантской газеты, отправлявшими материалы обличительного характера, сообщающие о народных чаяниях и бедах, были М.А. Бакунин, Г.Н. Потанин [6, с. 147–153; 13], В.Д. Скарятин и другие известные публицисты.

Сами издатели на страницах своей газеты также внимательно рассматривали вопрос о правомерности владения правящим императором землями Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. В связи с этим А.И. Герцен задавал характерный вопрос: «А на какие деньги купила Елисавета эти заводы?» [8, с. 721]. По мнению редактора «Колокола», она воспользовалась казенными, т.е. «общенародными» деньгами. А значит, все эти заводы принадлежат именно народу. А.И. Герцен называл эту территорию «майоратом, украденным у народа». Императорское имение на рубеже 1850–1860-х гг. являлось особым «государством в государстве», походившем больше на «опричнину» в ее экономической ипостаси, нежели на вотчину. По справедливому замечанию современного исследователя горнозаводской промышленности Алтая Г.П. Жидкова, отсутствие в законодательстве ясного юридического определения собственности на Колывано-Воскресенский и Нерчинский округа породило разногласия в ее оценке среди бюрократии XIX – начала XX вв. и исследователей, изучавших историю горно-металлургической промышленности России и сибирского региона [7, с. 63–64, 68–70]. Различные позиции по данной проблеме сохраняются среди ученых до настоящего времени.

М.А. Бакунин, являясь одним из корреспондентов Вольной русской типографии в Сибири, считал необходимым обратить внимание Герцена и Огарёва, а вместе с ними и большой аудитории российской интеллигенции, на крайне бедственное положение трудящихся масс. В 1857–1859 гг. он целенаправленно изучал крепостнические реальности Алтайского горного округа, с которыми лично познакомился во время ссылки в Сибирь. Основное внимание будущего лидера первых русских демократов-народников, по понятным причинам, с самого начала сосредоточилось на «крестьянском вопросе». Ведущую роль в первоначальном освоении

сибирской территории он отводил народу, а не имперскому государству. Он подчеркивал, что в «старину лихие казаки без спроса и даже ведома начальства открыли Сибирь, овладели Амуром, построили на нем город Албазин» [5, с. 51]. Перерыв в беспрепятственной свободной колонизации людьми восточных земель исследователь связывал с утверждением в России всеобъемлющей системы крепостничества. Данная теория освоения окраин России свойственна всем представителям народнической историографии. В дальнейшем представители региональной историографии наполнили ее реальными примерами и фактами из истории освоения Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа.

М.А. Бакунин первым из выдающихся деятелей освободительного движения XIX в. обратил внимание на отчетливо выраженную специфику общественных отношений в Алтайском горном округе. В особенности заинтересовала его специфика социального статуса горнозаводских крестьян. «Я ознакомил в своем публицистическом письме издателя “Колокола” о результатах своего исследования, – где их приписано более 130.000 к Алтайским горным заводам». «А знаете, что такое горные крестьяне? – писал М.А. Бакунин в «Колокол» – это крестьяне, в десять раз более разоренные, угнетенные и несчастные, чем самые бедные помещичьи крестьяне» [1, с. 317]. Оказалось, во-первых, что «это – крепостные», да еще не чьи-нибудь, а самого царствующего государя-императора. Во-вторых, по его данным, русские «горные» крестьяне Алтая подвергаются беспрецедентному притеснению и угнетению со стороны чиновников императорского Кабинета, управляющих округом. Уровень крепостной эксплуатации был здесь выше «в десять раз», т.е. на целый порядок, чем в любом из помещичьих имений европейской России [Там же]. В такой системе редиистрибуционного типа, по его мнению, сочетались худшие стороны крепостного статуса как частновладельческих, так и подведомственных государству «казенных» крестьян. Выводы М.А. Бакунина значительно позже, уже в советской историографии, подтвердили многие современные исследователи Алтая и Сибири [2, с. 41–42; 11; 16, с. 22–24]. «...По степени эксплуатации крепостные крестьяне Алтая, – указывает уже современный исследователь А.П. Бородавкин, – не только не уступали, а даже превосходили помещичьих крестьян центра России» [2, с. 41].

Как и многие другие современники, вначале М.А. Бакунин, по-видимому, и не подозревал о существовании в глубине Сибири подобного крепостнического анклава. Подход к освещению «алтайского вопроса», сформулированный одним из основателей народнической социологии, был вполне реалистичен и, по-видимому, выдержал необходимое

испытание временем. Ряд уже современных исследователей с привлечением дополнительного фактического материала подтвердили данный вывод [2, с. 41–42; 9, с. 34–36; 10, с. 97–133; 16, с. 22–24].

На фоне ужасающей нищеты приписанного к заводам закрепощенного населения М.А. Бакунин приводит примеры обеспеченной жизни местного горнозаводского чиновничества. «Напротив того, – замечал он, – чины горного управления Алтайского округа, от мала до велика, пользуются вполне всеми благами мира сего; Г.г. горные офицеры, приезжая сюда на службу и получая жалование весьма ограниченное, ведут жизнь роскошную и, в короткое время, приобретают значительное состояние» [6, с. 212]. Главный источник доходов горных чинов состоял в злоупотреблении, экономии труда, зафиксированного в сметах на производство заводских работ и в обращении этой экономии в свою пользу. Для более точного и емкого определения данного вида злоупотреблений автор ввел термин «трудокрадство» [Там же, с. 211]. Баснословное обогащение кабинетской бюрократии – реальный факт, достоверность которого подтверждена многократно как исследователями, так и очевидцами. В рапорте из Томска 20 марта 1859 г. начальник губернского жандармского управления полковник Герасимов сообщал в Петербург: «С давнего времени известно, что лица, служащие по горному ведомству и живущие в Барнауле, ведут роскошную жизнь и в короткое время наживают огромные капиталы, не соответствующие получаемого ими от казны содержания и что роскошь эта доходила даже до того, что мужья выписывали для жен своих готовые платья из Парижа» [5, с. 56]. По свидетельству Г.Н. Потанина, в Барнауле «даже у урядников зимой за столом подавали апельсины» [14, с. 254]. Такой обрисовали русскому обществу представители демократического направления суровую действительность, царившую на землях правящего в России государя императора.

Данные выводы были углублены и фактически подтверждены последующими поколениями исследователей-народников. Первая «ученическая» статья Г.Н. Потанина была также опубликована в «Колоколе». В этой статье Потанин воспроизводит ключевые авторские тезисы М.А. Бакунина о «крепостном состоянии» мастеровых и приписных крестьян и о недоступности богатых природно-геологических ресурсов края для развращающейся частнопредпринимательской индустрии [8, с. 605].

Таким образом, складывание региональной народнической концепции происходило на фоне кризиса системы государственного и частновладельческого крепостничества (рубеж 1850–1860-х гг.). Основной вопрос – являлась ли Сибирь в целом и Алтай, в частности, регионами, где существовало крепостничество? Это принципиальный вопрос, от ответа на

который зависела позиция того или иного исследователя. Компоненты народнического подхода к проблематике заключались в акцентировании факта наличия крепостничества («казенного», т.е. государственно-бюрократического или, по терминологии некоторых советских авторов, «государственного феодализма») в Сибири, а, тем более, в Алтайском округе. Вместе с тем большое внимание народниками уделялось актуализации и популяризации тщательно скрывааемых верховной властью фактов. В первую очередь, о феноменально высоком уровне натурально-рентной эксплуатации («заводская барщина») русских мастеровых и приписных крестьян Алтая императорским (кабинетским) ведомством, как в пользу собственника, так и для своей корыстной выгоды чиновников, местной бюрократической верхушки – «корпуса горных инженеров».

Напомним, что время характеризуется особой ролью печатного журнального слова («журнал стоит кафедры», – говорил В.Г. Белинский). Учитывая все вышеперечисленные компоненты, обязательным атрибутом народнической концепции являлась острая критика злоупотреблений властью, коррупции, казнокрадства, некомпетентности горнозаводской бюрократии. Понятно, что главная цель народников – это полная дискредитация режима, базовой для него системы крепостничества (государственного и частного). В противовес, как альтернативу крепостнической системе, уже первые народники (Бакунин, Герцен, Чернышевский) выдвигали свой идеал – идеал так называемого крестьянского социализма, осуществить который мог бы только свободный (не зависимый от государства, бюрократии, помещиков) русский народ, большинство в котором составляли тогда крестьяне. Отсюда – вопрос о земле, вернее, о собственности крестьянства на всю землю.

Публикация данных фактов в «Колоколе» как единственном независимом органе русской печати адресованы не к простому народу. Этот материал был адресован к просвещенной элите, к «образованному обществу». Именно через популярную в то время прессу М.А. Бакунин и многие другие представители демократического направления рассчитывали повлиять на позицию правящего императора и на всю многочисленную бюрократию, направить их внимание на бедственное положение основной массы российского народа. Конечно, в «Колоколе» были представлены лишь общие моменты истории развития горного дела на Алтае и характеристики основных социальных групп. Основное же внимание первых народников было сосредоточено на критике самой системы крепостничества и акцентировании ее несостоятельности. Данные публикации лишь обозначили будущий круг проблем исследования, подняли сам вопрос. Не имея доступа к архивным материалам, основатели народничества

выдвигали догадки и рабочие гипотезы, которые требовали своего документального подтверждения. Но все они преследовали благородную цель привлечь внимание к социальным проблемам округа хотя бы у образованных слоев населения страны, а потому их работы не лишены публицистического переклеста и некоторой односторонности в изложении фактического материала.

Начатая работа была продолжена новым поколением исследователей-народников, которое было представлено ссыльно-поселенцами 1880–1890-х гг.: П.А. Голубевым, Н.М. Зобниным, И.Е. Овсянкиным, Н.М. Тыжновым, Л.С. Чудновским, С.П. Швецовым и др. Конкретные условия, в которых они действовали, – полицейский надзор, отсталость и низкий уровень общественной жизни Сибири – обусловили преобладание в их деятельности легальной практической культурно-просветительской работы. Но эта деятельность содержала в себе ясную демократическую перспективу, желание привлечь внимание правительства к экономическим проблемам региона, стараясь убедить его в необходимости предоставления прав этого края на доступ к ценностям общечеловеческой культуры, на экономическое благоустройство и собственно гражданское развитие. Тем самым они рассчитывали содействовать скорейшему осуществлению назревших реформ. Они занимались учительской деятельностью, читали лекции, организовывали библиотеки, изучали историю и реальную действительность края, быт местного населения, его насущные проблемы, организовывали социологические исследования.

Библиографический список

1. Бакунин М.А. Письмо А.И. Герцену и Н.П. Огареву от 7 ноября – 8 декабря 1860 г. Из Иркутска – Красноярска // Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. IV. М., 1935.
2. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972.
3. Голубев П.А. Ликвидация горного дела на Алтае // Русское богатство. 1892. № 11.
4. Должиков В.А. Неизвестные публицистические статьи М.А. Бакунина об Алтае 50–60-х гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998.
5. Должиков В.А. М.А. Бакунин в контексте сибирской и общерусской политической истории переломной эпохи 1850–1860-х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2000.
6. Должиков В.А. Социологические заметки М.А. Бакунина «Алтайцы» (1858 г.) // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 1999. С. 207–214.
7. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.

8. Императорский Кабинет и Муравьев-Амурский // Колокол. 1860. Вып. III. № 87–88.
9. Лукичев С.С. О поставках приписных и крестьянами Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. 1967. Вып. 3.
10. Лукичев С.С. Заводская барщина приписных крестьян Кольвано-Воскресенского горного округа в пореформенный период 19 в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып. 4. С. 97–133.
11. Лукичев С.С. Государственные повинности приписных крестьян Кольвано-Воскресенского горного округа в первой половине XIX в. // Из истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1970.
12. Мечников Л.И. Школа борьбы в социологии // Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.
13. Паршукова Н.П. Сибирь на страницах «Колокола» // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980.
14. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908.
14. Смищенко Р.С. Демократический регионализм А.П. Шапова // Известия Алтайского государственного университета (АГУ). 1999. №. 4.
15. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.
16. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979.
17. Шапов А.П. Великорусские области в Смутное время // Шапов А.П. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1906.

Л.А. ван Хааске

Формирование университетских корпораций и их региональная специфика в Европе эпохи Высокого Средневековья

В статье выявлены предпосылки и причины возникновения университетских корпораций в Европе в эпоху Высокого Средневековья (в XI–XV вв.) и рассмотрена вариативность процесса возникновения корпораций на примере университетов Парижа и Болоньи.

Ключевые слова: средневековый университет, университетская корпорация, университет Парижа, университет Болоньи.

Среди источников по данной проблеме можно назвать большой пласт официальных документов, связанных с правовым статусом университетов – хартий, указов и распоряжений представителей светской и духовной власти.

Историография темы достаточно обширна. Большое внимание проблемам истории университетского образования уделялось в русской дореволюционной исторической науке. Здесь можно назвать работы Владимира Николаевича Ивановского «Народное образование в средние века» и Николая Семеновича Суворова «Средневековые университеты», изданные в 1898 г., а также работу Владимира Константиновича Пискорского «Итальянские университеты», опубликованную в 1910 г.

В современной России изучением проблем университетского образования в Средние века занимается Павел Юрьевич Уваров, главный редактор сборника «Средние века» и ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Среди его работ можно назвать такие, как «Университет в средневековом городе» и «У истоков университетской корпорации».

В западной историографии проблемы университетской культуры и культуры интеллектуалов разрабатывал знаменитый французский историк Жак Ле Гофф. Как наиболее важную среди его работ можно выделить книгу «Интеллектуалы в средние века», впервые изданную во Франции в 1957 г., а на русский язык переведенную в 1997 г.

Для начала необходимо прояснить значение самого понятия «университет». Согласно римскому праву, средневековые юристы называли университетом (*universitas*) всякий организованный союз людей. Согласно римскому праву, под понятие университета граждан (*universitas civium*) вполне подходил и любой ремесленный цех [11]. Более того, возникновение первых университетов, становление цеховой культуры и возникновение самостоятельных городских общин в Италии относятся к одной и той же исторической эпохе – к XII в. [7].

Следовательно, университет изначально – это лишь видовое понятие для объединения людей, и, следовательно, корпорации, образовавшейся для реализации научных интересов. Изначально эта корпорация даже именовалась *universitas studium*, именно с оговоркой *studium*, т.е. учебный, для выделения из остальных общественных университетов.

В дальнейшем это разделение продвинулось, и в официальных документах учебные университеты стали фигурировать уже как «*studium generale*» («генеральная школа»), а не «*universitas*». Важное уточнение – «генеральная» в названии означало главенствующее положение «генеральных школ» над местными и локальными, т.к. *studium generale* предназначались для учителей и учеников всех наций, и приобретенные в них степени и звания были обязательны к признанию во всех высших школах западного христианства. Человек, получивший ученую степень в одной генеральной школе, приобретал способность учить везде (*facultas docendi ubique terrarum*), т.е. во всякой другой генеральной школе [5].

Появление университетских корпораций было бы невозможно без наличия целого ряда факторов. Это развитие городов и связанная с данным процессом трансформация массового сознания от крестьянского к городскому типу мышления. Признание экономической пользы университетов, и, как следствие, экономической необходимости их создания. Заинтересованность города в подготовке образованных людей и заинтересованность власти в образовании и одновременно в контроле над ним. Кроме того, появление университетов было бы невозможно без появления людей, готовых и желающих получать образование. Все эти факторы развивались практически синхронно, и уже к XI в. они достигли достаточного уровня, что и привело к возникновению университетских корпораций.

Город и университетская корпорация были тесно связаны. Город мог давать университетской корпорации площади для проведения учебных занятий, в рамках города университет получал готовую инфраструктуру – объекты торговли, питания, жилье для иностранных студентов. Университет же давал городу почву для развития торговли, для расширения сферы товаров и услуг, для увеличения налоговых сборов. Одновременно с этим университет привлекал в город новых жителей. Кроме того, сам факт существования университета в городе в какой-то момент стал статусным фактором, увеличивая значимость и влияние города [14].

Перейдем теперь к процессу формирования университетской корпорации на примере университета в Болонье (Северная Италия).

Возникновение университета связывают с Хартией германского императора Фридриха I Барбароссы от 1158 г., в которой говорится, что он берет под свою защиту людей, покинувших родные места, и «претерпевающих лишения, чтобы изучать право». Этот жест расценивался современниками как акт благодарности юристам Болоньи за оказанные Фридриху услуги. Важный момент – об университете как таковом в Хартии еще не говорится, речь идет только о самом факте изучения там студентами права [7].

Из данного документа можно сделать вывод, что к этому моменту ученая деятельность в Болонье уже достигла определенной степени развития и авторитета, если сам император пользовался услугами болонских юристов.

Значит, некое образовательное учреждение в Болонье существовало какое-то время до появления Хартии. В некоторых летописных источниках говорится о существовании учебного заведения в Болонье уже в 1088 г., т.е. разница между возможными датами появления университета составляет не менее 70 лет.

Необходимо заметить, что подобный факт существует и в истории Парижского университета, датой основания которого называют 1200 г. Однако одновременно с этой датой основания Оксфордского университета считается 1176 г., причем его история связана с уходом английских студентов из Парижского университета. Соответственно, можно предположить, что университет в Париже существовал уже за 30 лет до одной из предполагаемых дат его основания [12].

Такое противоречие в датах приводит к выводу о том, что формирование университета было долгим процессом, который было трудно зафиксировать точно, и этот процесс не обозначался специальными документами. Возможно, что вначале процесс был спонтанным, воспринимаемым как нечто естественное, не вызывающее у общества и власти ярко

выраженной реакции и потому не находящее отражения в официальных документах. Сам процесс формирования университетов практически не отражен документально, университет получает документальное оформление лишь после того, как этот процесс завершается.

Кроме того, из Хартии Барбароссы мы видим, что университет еще и привлекает к себе новых учащихся. Ведь сама идея документа как раз и выражается в том, что существует какая-то группа людей, которая покидает родные места и отправляется в совершенно новое место для обучения.

Также интересно в этом документе указание на возможные притеснения тех, кто отправляется учиться. В Средние века в ходу был так называемый обычай «репрессалий». Его суть заключается в том, что если, например, уроженец Кёльна совершил кражу или уехал из Болоньи, не расплатившись, то болонцы могли наказать любого другого попавшего к ним в руки жителя Кёльна или близлежащих земель. Таким образом, чужестранцы, прибывавшие за знаниями в Болонью или иной город, оказывались в чужой среде, вне защиты местных правовых норм.

В этих условиях появляются важнейшие элементы зарождающейся университетской культуры – землячества. Суть их проста. Оказавшись в новых условиях, земляки приносили друг другу клятву взаимной верности и образовывали союз, основанный на такой присяге [11].

Привилегией Барбароссы была создана особая подсудность для школяров. Судить их могли только их учителя или местный епископ (по выбору школяров), что шло вразрез с общей для городской общины подсудностью городским судьям.

Внутри землячества студент, во-первых, получал защиту в рамках действия репрессалий, а, во-вторых, оказавшись в инокультурной среде, сохранял свою культурную идентичность.

Возвращаясь к юридическим понятиям, можно также рассмотреть и само слово «*studentes*», которое употреблялось для обозначения не одних только учащихся-школяров, а всех тех, которые штудируют, т.е. посвящают свои силы научным занятиям в качестве учителей или учеников (*studentes docendo et addiscendo*). Таким образом, с юридической точки зрения все участники ученой корпорации, как учителя, так и ученики, обладали равными правами.

Можно заметить, что процесс функционирования университетской корпорации постепенно приобрел формы, очень близкие к цеховой организации и различающиеся лишь в специфике: общее собрание членов под председательством известного главы, дисциплина и последовательность градаций в среде членов. Схожесть со специфической цеховой культурой

позволяет нам говорить о том, что студенты, видя модель цеховой организации, выстроили новую организацию, используя уже известную и стабильно работающую модель. Внутри университетской корпорации градации школяров, бакалавров и магистров или докторов соответствовали цеховым градациям учеников, подмастерьев и мастеров [13].

Важное значение имели взаимоотношения студентов и преподавателей в рамках корпорации. Часто студенты играли роль нанимателей, входивших в договорное соглашение с теми лицами, лекции которых они желали слушать и под руководством которых желали заниматься, относительно гонорара и помещения для аудитории. Иногда на почве оплаты труда преподавателей возникали конфликты. Так, даже Пьер Абеляр в автобиографической книге «История моих бедствий» сетовал на то, что студенты пытаются экономить на его услугах и отказываются платить за дополнительные («экстраординарные») лекции, а оплату за основные («ординарные») лекции постоянно пытаются занизить [1].

При этом полномочия студентов в рамках корпорации часто были довольно значительными. Так, студенты могли уволить неугодного им преподавателя или сменить неподходящее помещение.

Для решения возможных проблем с городской общиной у студентов также был мощный механизм воздействия – переселение в другой город. Переселение или угроза переселения служили обыкновенно для школяров самым острым оружием, самым действенным средством к тому, чтобы отстоять свои интересы и добиться желательных уступок со стороны города.

Сами переселения, означавшие, в сущности, перенесение университета из одного города в другой, были ясным выражением той идеи, что община чужеземцев, не сумевшая адаптироваться к условиям одного города, ищет для себя более подходящую почву в другом месте, где она продолжает оставаться общиной чужеземцев, объединенных общей идеей [13].

Как уже сказано выше, точная дата создания Болонского университета неизвестна. По косвенным признакам можно предположить, что это был долгий процесс. Так или иначе, к началу XIII в. в Болонье было два стабильных «университета», целью которых была непосредственно учебная деятельность. Первый из них был Цитрамонтанский, который состоял из 22 «наций» (землячеств по разным городам Италии), а второй – Ультрамонтанский, который объединял 24 «нации» – землячества прочих европейских, родина которых осталась за Альпийскими горами [7].

Интересный факт – студенты из числа местных жителей не являлись членами университетской корпорации, т.к. на них распространялось право городской общины и в покровительстве по Хартии Фридриха

Барбароссы они не нуждались. Однако, несмотря на это, их статус в рамках учебного процесса ничем не отличался от статуса иногородних студентов [10].

Привилегия Барбароссы была дарована тем, которые «предпринимают путешествия ради научных занятий». Но, т.к. предпринимать путешествия с научной целью могли не только учащиеся, а и преподаватели, в итальянских городах стала формироваться традиция приглашать или переманивать составивших себе репутацию профессоров из другого города. Важно отметить, что привилегия Барбароссы распространялась на студентов и преподавателей до тех пор, пока они не получали гражданство какого-либо города [3].

Постепенно, для создания наибольшей заинтересованности именитых преподавателей в работе в конкретном университете, стала практиковаться раздача профессорам гражданства. Получив права гражданства, профессора отрывались от землячества и особого суда университетской корпорации. Здесь можно видеть появляющуюся разницу в статусе преподавателя и студента.

С учетом вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в Болонье университетская корпорация выросла из клятвенных союзов студентов, отстаивающих свои права в отношениях с городом в условиях действия специфических городских законов и традиций, с одной стороны, и прав, дарованных Хартией Барбароссы – с другой.

Совсем иную модель складывания университетской корпорации можно увидеть в Париже. Необходимо учесть, что Парижский университет изначально развивался и функционировал в тесной связи с церковью, соответственно, все школяры и магистры также подпадали под юрисдикцию церкви. Любое посягательство на студента (на его жизнь, имущество или на его права) автоматически могло привести к проблемам с церковными властями. Это создавало немало неудобств, поскольку школяры, среди которых было много «дикой» молодежи, вырвавшись в большой город, чувствовали свою безнаказанность и порой вели себя очень буйно [8].

Парижский университет состоял из четырех факультетов: свободных искусств, канонического права (преподавание гражданского права было запрещено в 1219 г. папой Гонорием III), медицины и теологии. Система корпораций здесь была более сложная, чем в Болонском университете. Факультеты права, медицины и теологии управлялись титулованными профессорами, или регентами во главе с деканом. Деление по землячеству здесь было выражено слабо [10].

Факультет искусств, значительно более многолюдный, уже подразделялся на «нации». Имелось четыре таких «нации»: французская,

пикардийская, нормандская и английская. Во главе каждой нации стоял прокуратор, избираемый регентами. Четыре прокуратора были помощниками ректора, возглавлявшего факультет искусств.

В университете имелись общие для всех факультетов службы, занимающиеся, в основном, правовыми и судебными вопросами, а также вопросами внешних связей с духовными и светскими властями. Но они не имели большого влияния на внутреннюю жизнь университета, поскольку проблемы у всех факультетов были разные.

Постепенно наибольший авторитет приобрел ректор факультета искусств. Преобладание этому факультету обеспечила, в первую очередь, многочисленность, которая и привлекала в университет львиную долю финансовых поступлений. Кроме того, факультет искусств был своеобразной «первой ступенью» обучения – прохождение на нем курса (так называемого «тривиума») было необходимо для продолжения обучения на других факультетах.

Итак, ректор факультета искусств, занимая главенствующее положение внутри университетской корпорации, распоряжался финансами университета и председательствовал на генеральной ассамблее студентов и магистров. К концу XIII в. он становится уже официальным главой всей университетской корпорации [11]. Однако важно заметить, что с 1231 г. Парижский университет обладал особым правовым статусом, подчиняясь непосредственно римскому папе. Власть главы университетской корпорации могла распространяться лишь на вопросы, касающиеся внутреннего распорядка работы университета, и любое его решение могло быть изменено распоряжением папы.

В Париже не было такого преобладания учащихся над учащими, какое можно видеть в Болонье. Здесь все управление университетскими делами находилось в руках магистров. Школяры никогда не обладали правом ни избирать, ни быть избранными на университетские должности даже в пределах какой-либо одной «нации». Это заметно в официальных самоназваниях университетов. Болонский университет называл себя университетом школяров (*universitas scholarium*), а Парижский – университетом учителей (*universitas magistrorum*) [11]. Но и в Париже разрыв между учащимися и учениками был скорее официальной формальностью, чем практикой.

Более того, Парижский и Болонский университеты обладали разными правовыми статусами. Это хорошо заметно в их взаимоотношениях с папской властью. Так, римский папа Гонорий III в ряде своих распоряжений за 1217–1224 гг. поощряет самостоятельность болонских землячеств и в то же время запрещает собрания парижских «наций» (в 1222 г.), приказывает сломать их печать как символ независимости (в 1225 г.) [10].

В заключение отмечу, что большинство появившихся впоследствии европейских центров обучения перенимало корпоративные черты Болонского или Парижского университетов. Так, например, появившийся в начале XIII в. Оксфордский университет по структуре корпорации очень близок Парижскому университету. Болонская система университетских корпораций была распространена в Европе значительно меньше, что связано, в первую очередь, со спецификой изначального формирования корпорации в Болонье.

Библиографический список

1. Абеляр П. История моих бедствий. М., 1959.
2. Гуревич Я.А. Категории средневековой культуры. М., 1982.
3. Документы по истории университетов Европы XII–XV вв. / Под ред. М.М. Москаленко. Воронеж, 1973.
4. Ивановский В.Н. Народное образование в средние века. М., 1898.
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. Долгопрудный, 1997.
6. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
7. Пискорский В.К. Итальянские университеты. СПб., 1910.
8. Роуг В. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы. 1991. № 7–8. С. 97–109.
9. Сидорова Н.А. Основные проблемы истории университетов в Средние века в освещении современной буржуазной историографии // Средние века: Сб. ИВИ РАН / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1963.
10. Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898.
11. Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе. Курс лекций. М., 2000.
12. Уваров П.Ю. У истоков университетской корпорации // Сайт «Полит.ру». URL: <http://www.polit.ru/article/2010/02/04/university/> (дата обращения: 01.02.2012).
13. Уваров П. Ю. Университеты в средневековом городе // Культура и искусство западноевропейского Средневековья / Под ред. И.П. Русанова. М., 1981.
14. Ястребицкая А.Л. Европейский мир X–XV вв. М., 1995.

Е.А. Некрасова

Местное самоуправление в условиях революционных изменений: опыт Парижской Коммуны

В данной статье, привлекая высказывания Маркса и Энгельса (ставших свидетелями первого в новой истории факта прихода к власти в крупном территориально-административном образовании нового социального класса, пролетариата, ранее не являвшегося активным актором политических отношений), а также иные источники, автор пытается выявить важнейшие признаки института самоуправления, когда субъектом последнего является один класс.

Ключевые слова: местное самоуправление, революционные изменения, Парижская Коммуна.

Используя эмпирический материал, собранный современниками Парижской Коммуны, К. Марксом и Ф. Энгельсом, мы предлагаем пересмотреть предмет их исследования. Пересмотреть не в привычном для современной науке аспекте установления его значения для консолидации пролетариата или мирового революционного движения за его освобождение из-под власти капитала (как это делают теоретики марксизма), а в другом ракурсе. Отметим, что анализ марксистских концепций местного самоуправления связан со сложностью систематизации в разной степени обобщенных К. Марксом и Ф. Энгельсом определений его признаков, рассредоточенных, к тому же, в их работах разных лет.

Особый интерес для теоретиков классовой борьбы местное самоуправление революционного Парижа представляло, прежде всего, потому, что этот социальный феномен был для них реальным, а не «книжным» социальным явлением. А в основе научной деятельности К. Маркса, как замечает Льюис Козер, «лежит стремление проникнуть в сущность социальной реальности» [3, с. 59]. Маркс и Энгельс стали свидетелями первого в новой истории факта прихода к власти в крупном территориально-административном образовании нового социального класса, пролетариата, ранее не являвшегося активным актором политических отношений.

По мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, существование Парижской Коммуны подтверждало правоту их теории о социальной прогрессивности пролетариата. Анализу теоретиков марксизма подверглась деятельность

Коммуны, представлявшая собой материализованные результаты его политической программы в муниципальном самоуправлении Парижа.

Анализ марксистских позиций относительно местного самоуправления в значительной степени проясняет некоторые качественные признаки этого института, а также приближает к пониманию его социального значения. Сравнение марксистской модели местного самоуправления с другими концепциями предмета исследования открывает возможность построения его новой концептуальной схемы, лучше приспособленной к целям настоящего исследования и адекватной его современным феноменам. Таким образом, наш анализ местного самоуправления Парижа 70-х гг. XIX в. будет вестись не в марксистской парадигме классовой борьбы пролетариата, он будет направлен на выявление исторически предшествовавших Парижской Коммуне институциональных форм самоуправления административно-территориальными образованиями; на выяснение его организационно-политических возможностей и причин кратковременности его существования.

Согласно марксистской теории общества, движущей силой социального прогресса является классовая борьба. В борьбе за социальные преобразования в капиталистическом обществе контрагентом пролетариата является класс буржуазии, стремящийся сохранить свое господство. Рассматривая изменение политической роли буржуазии в органах публичной власти (в эпоху капитализма: от революционного класса до консервативного), вместо категории местного самоуправления К. Маркс употребляет ее многочисленные синонимы.

Так, при изучении генезиса структуры представительных органов власти, вызванного классовой борьбой буржуазии против феодальных порядков, по отношению к местному самоуправлению К. Маркс приводит выражение «самоуправляющаяся ассоциация», раскрывая его смысл через синонимы «противовес дворянству», «независимая городская республика», «исключительное политическое господство (класса) в современном представительном государстве».

Согласно его выводам, появление местного самоуправления относится ко времени превращения средневековых городов в относительно независимые от феодальных оков административные образования и вызвано ростом политической активности класса буржуазии, заинтересованной в усилении своего влияния в городском управлении и, одновременно, в своей автономии от центральной феодальной власти: «...Современная буржуазия... является продуктом длительного развития... Каждая из ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов,

вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне, тут – независимая городская республика, там – третье, податное сословие монархии, затем – в период мануфактуры, – противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий» [цит. по: 3].

Согласно выводам К. Маркса, к новому времени муниципальное самоуправление в средневековых западноевропейских городах является органом, в котором осуществляется постепенная передача политической власти буржуазии. Лишь укрепившись во власти всех уровней, начиная с местного самоуправления, буржуазия способна превратиться в господствующий класс. Подчеркивая весомость значения местного самоуправления в системе современной ему государственной власти, К. Маркс иногда уподобляет все современное ему государственное управление самоуправлению буржуазии, рассматривая при этом ее местное самоуправление в качестве элемента системы политического управления обществом. Сегодня по традиции почти все концепции муниципального управления также включают его в систему государственной власти. Так, у М. Вебера оно, в частности, относится к «легитимной власти», у Дж. А. Тэнгвея и П. Лануа оно входит в систему политического управления страной, М. Дранкур говорит о нем как о некоем общественно-государственном институте власти [15].

Парижская Коммуна, однако, возникла не в мирных условиях, как многие средневековые формы городского самоуправления в Западной Европе, а во время вражеской блокады города, поэтому выборы в нее происходили не по демократическому мирному сценарию в соответствии с имевшимся ранее законодательством, а по революционному плану, предложенному восставшими рабочими Парижа. Согласно нему, в орган самоуправления восставшим городом включались от избирательных округов только представители рабочего класса или им сочувствующие. Таким образом, в муниципальном управлении Парижа весны 1871 г. власть завоевали выборные лица, представлявшие практически один социальный слой.

Целью французской революции 1870–1871 гг. К. Маркс считает победу представителей рабочего класса на выборах в муниципалитет Парижа, реализовавшего (хотя и кратковременно) через управление восставшим городом – Парижскую Коммуну – свое классовое господство: «...После войны 1870–1871 г. ...Бисмарк сверг Бонапарта... Но завершением этого периода является Парижская Коммуна... Обнаружилось, что в Париже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской. После победы господство досталось рабочему классу само собой, без всякого спора» [6].

Свое утверждение о том, что «после победы (Коммуны) господство досталось рабочему классу само собой» К. Маркс опровергает в той же работе абзацем ниже, исследуя причины ее сокрушительного поражения. Любая форма власти, включая местное самоуправление, располагает своим ресурсом долговечности, зависящим от множества факторов, которые можно разделить на внутренние и внешние.

Недолговечность нового городского самоуправления Парижа, продержавшегося всего два месяца, К. Маркс объясняет многими причинами. С одной стороны, фактором его недолговечности он называет территориальную изоляцию осажденного прусскими войсками города от остальной страны, приведшую к голоду городского населения; с другой стороны, слабость революционного органа городского самоуправления, приведшая в итоге к его ликвидации извне, контрреволюционными вооруженными силами, видится ему в несогласованности решений и действий участвовавших в городском самоуправлении политических партий – сторонников О. Бланки и М. Прудона. Т.е. экстремальная автономия муниципального управления, почти полное отсутствие коммуникации с окружающей средой (так, отношения с оккупационными прусскими войсками Коммуна регулировала с помощью мирного договора, а свои контакты с французским императорским правительством она фактически прервала из-за классовых разногласий) и неэффективное управление внутренними и внешними делами Коммуны (включая рассогласованность действий членов органов ее управления, отсутствие управленческой дисциплины и непрофессионализм и непопулярность персонала, вновь избранного на административные должности в городском самоуправлении) обусловили, согласно первоисточникам К. Маркса, нежизнеспособность модели городского самоуправления революционного Парижа: «...Обнаружилось, как невозможно было даже и тогда ...господство рабочего класса. С одной стороны, Франция бросила Париж на произвол судьбы, равнодушно наблюдая, как он истекал кровью под ядрами Мак-Магона; с другой стороны, Коммуна истощалась в бесплодной борьбе двух партий, на которые она разделялась: бланкистов (большинство) и прудонистов (меньшинство), из которых ни те, ни другие не знали, что надо было делать. Легкая победа 1871 г. оказалась бесплодной» [цит. по: 3].

К. Маркс пытается раскрыть социальное значение создания новой пролетарской модели местного самоуправления Парижа 1871 г. Сторонник классовой борьбы как средства социального прогресса, он усматривает в ней орудие власти прогрессивного класса, средство проведения муниципальной политики в интересах одного слоя населения (рабочего класса) и подавления других (буржуазии, ростовщиков и духовенства). После

поражения Коммуны господствующий класс буржуазии, по К. Марксу, был вынужден, под страхом новых народных восстаний, предоставить всему населению Парижа возможность гораздо чаще, чем прежде, участвовать в выборах местного самоуправления.

Хотя Парижская Коммуна и потерпела поражение, но благодаря ей, по К. Марксу, произошло расширение политических прав французского пролетариата: ему, также как и другим угнетенным социальным слоям французского общества, после разгрома Парижской Коммуны было предоставлено всеобщее избирательное право для выборов органов местного самоуправления, для реализации которого французский рабочий класс организовался в политические партии.

Таким образом, результатом французской буржуазной революции 1871 г. стала политическая эмансипация не одного пролетариата, добившегося после падения Коммуны права избирать своих представителей в органы власти всех уровней, включая уровень местного самоуправления, а многих, ранее политически бесправных слоев населения. Результатом революции 1871 г., благоприятным для мирового коммунистического движения, стало общественное признание необходимости легитимной политической презентации экономически слабых слоев населения в органах власти всей уровней, включая местное самоуправление. Это условие выполнимо, по К. Марксу, только через организованное участие политической партии рабочего класса в выборах всех уровней власти.

Хотя Парижская Коммуна и просуществовала всего два месяца, ее политическая программа, организационная структура и мероприятия столь отличались от деятельности предшествовавший и последующих форм городского самоуправления, что К. Маркс называет ее революцией [7]. Типы преобразований городского самоуправления, согласно его логике, отличаются друг от друга по мероприятиям, содержание которых определяется политическими программами и организационной структурой их руководящих органов. Поскольку в самоуправлении Парижа марта 1871 г. руководящую роль впервые в истории играл рабочий класс, использовавший аппарат муниципального органа власти для проведения своей политики, то его деятельность по проведению своей партийной программы в муниципалитете К. Маркс считает радикально отличающейся от прежних форм городской власти [14].

К. Маркс в различных источниках приводит подробный перечень мероприятий Коммуны [7; 8; 12]. Однако, увлекшись выяснением их социальной направленности, теоретик классовой борьбы не берется исследовать значение мероприятий парижского местного самоуправления весны 1871 г. для оценки и прогнозов его существования.

В городском самоуправлении революционного Парижа К. Маркс обозначает растущее пространство вакуума его власти: «Парижская Коммуна должна была подавлять старую государственную власть, весьма влиятельную; одновременно формировать органы управления городом, функционирующими на совершенно новых принципах» [2], а также, наряду с этим, контролировать (через санкции) собственную муниципальную бюрократию, чтобы создать «надежную помеху ее погоне за местечками и карьеризму» [Там же]. Кроме того, популярности в народе не способствовал нелегитимный характер местного самоуправления революционного Парижа, официально заключившего перемирие с неприятельской армией в обмен на гарантии своего существования, т.е. открыто поддерживаемого иностранными вооруженными силами. Подчеркнем, что именно они отдавали городу властные распоряжения, ограничивающие власть Коммуны. В этой связи правомерен вывод не о «предательстве» императорских вооруженных сил как причине поражения Коммуны, как утверждал К. Маркс, а о неэффективности узкоклассовой модели городского самоуправления Коммуны в оккупированной иностранными войсками стране при оставшемся влиянии в ней прежнего верховного органа ее законодательной власти.

В условиях многовластия первоочередной задачей местного самоуправления Парижа 1871 г. оставалось сохранение в городе политической власти отдельной социальной группы, образовавшей муниципалитет, вынужденный одновременно защищаться как от внешних врагов (оккупационных властей), так и от внутренних (местной буржуазии и реакционного бюрократического аппарата муниципалитета). Об организации Коммуны снабжения голодного населения блокадного города продовольствием или об организации новым муниципалитетом рутинного вывоза бытовых отходов с городских улиц К. Маркс в своих публикациях о деятельности Коммуны не упоминает. Зато среди мероприятий пролетарского муниципалитета он сообщает о назначении в его руководящие органы иностранных граждан, находившихся в то время в революционном городе.

Сам факт появления иностранцев в руководящих органах городского самоуправления столицы Франции свидетельствует не о том, что «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики» [13], как объясняет их появление в органе самоуправления столичного города К. Маркс, а о том, что в то время муниципальное самоуправление Парижа не располагало достаточным числом специалистов по управлению городом из числа соотечественников, способных проводить новую политику самоуправления.

Рассматривая одно за другим мероприятия Коммуны и делая вывод об их общей классовой направленности, К. Маркс находит, что Коммуна

обладала полнотой и представительной, и исполнительной власти. Смещение полномочий местного и более высокого уровней управления, по его мнению, объяснялось необходимостью срочного проведения мероприятий по сохранению власти пролетариата в Париже: «Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы» [цит. по: 3].

Правосудие, по К. Марксу, также стало классовым в новом городском самоуправлении: «Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость» [6]. Таким образом, Коммуна стала не легитимным демократическим органом городского самоуправления, а представляла собой диктатуру группы лиц, в том числе иностранного происхождения, действующую от имени малоимущих, экономически несамостоятельных слоев населения вразрез с общенациональной политикой вышестоящего уровня управления французским обществом, Национального Собрания.

Модель городского самоуправления Парижа марта 1871 г., в которой мы выявили многие элементы, объясняющие ее неэффективность, самому К. Марксу не казалась утопичной или недолговечной. Он допускал ее распространение как на нижестоящие, так и на вышестоящие уровни всего французского государства. При этом теоретик марксизма усматривал возможность передачи полномочий управленческой бюрократии выборным лицам на всех уровнях политического управления страной.

С другой стороны, однообразное повсеместное муниципальное устройство по образцу Коммуны, по К. Марксу, могло бы заново консолидировать политическое управление страной: «Парижская Коммуна должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. ... Вполне определено, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни... Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь, должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже» [14].

Таким образом, в модели местного самоуправления К. Маркса акцентируется его политический характер, причем местное самоуправление в его марксистских концепциях рассматривается как элемент государственной власти. В настоящее время подобная точка зрения на местное самоуправление разделяется большим числом его исследователей, в том

числе Г. Джоном и его соавторами [17], А. Морено [19], Р.С. Вудом [21], Т.Дж. Фалетти [16] и др.

Маркс признает, что публичное одобрение деятельности Парижской Коммуны руководимым им Интернационалом в целом получило негативную оценку европейского общественного мнения. Как мы упоминали выше, превалирование политических мероприятий насильственного характера в самоуправлении Парижа (расстрелы заложников, насильственное отчуждение собственности и т.д.) прямо указывает на диктаторский характер Коммуны, проводящий одностороннюю политику в интересах не всех, а отдельных слоев населения, представители которых сформировали новый орган власти.

Негативное восприятие опыта Парижской Коммуны сузило социальную базу коммунистического движения: «...Наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило к нам ненависть буржуазии...» [7].

Вывод Маркса о постоянном перераспределении власти внутри и вокруг местного самоуправления и о необходимости осуществления его руководящим органом постоянного контроля над ее удержанием также углубляется в современной науке, о чем свидетельствуют публикации Г. Джона, К. Строма и К. Мордено [17] и др.

Анализ К. Марксом местного самоуправления выходит далеко за рамки экспликации его теории классовой борьбы на изучаемый им предмет. Теоретик марксизма рассматривает местное самоуправление Парижской Коммуны, применяя социологический подход: оно анализируется не только как имеющее социальные аналоги явление, детерминированное определенными социальными причинами, но и как процесс, вызывающий за собой другие социально релевантные процессы. До сих пор никто из исследователей демократического государственного управления не опроверг вывод К. Маркса о принципиальной возможности легитимного, ненасильственного проведения на муниципальном уровне политических программ партий, избранных в местное самоуправление.

Но является партийное представительство репрезентативным представительством населения территории? Ответа на этот вопрос мы у Маркса не находим. Но можем сделать один весьма важный вывод: в эпоху социальных потрясений местное самоуправление не может быть организовано на основе консенсуса интересов различных социальных групп. Вполне вероятно, что в кризисные, революционные и иные нестабильные времена местное самоуправление может стать ареной серьезных социально-классовых конфликтов вплоть до открытой борьбы.

Библиографический список

1. Гильченко Л.В. Из истории становления местного самоуправления в России (19 – начало 20 вв.) // Государство и право. 1996. № 2. С. 3–6.
2. Заборова Е.Н. Участие граждан в управлении городом // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 11–12.
3. Козер Л. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте. М., 2006.
4. Левашов В.К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 5–8.
5. Магарил С.А. Гражданская ответственность интеллигенции // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 5–7.
6. Маркс К. Классовая борьба во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. / Пер. с нем. Т. 1. М., 1979. С. 56–57.
7. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. / Пер. с нем. Т. 1. М., 1979. С. 18–19.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Из циркулярного письма А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. / Пер. с нем. Т. 3. М., 1979. С. 98–99.
9. Межуев В. Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 2–4.
10. Чирикова А.Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: сценарии политического будущего // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 12–13.
11. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Политические исследования. 1992. № 4. С. 4–5.
12. Энгельс – Фридриху Адольфу Зорге, 12–17 сентября 1874 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. / Пер. с нем. Т. 2. М., 1979.
13. Энгельс Ф. Карл Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. / Пер. с нем. Т. 3. М., 1979.
14. Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 18–28 марта 1875 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв. в 3-х т. / Пер. с нем. Т. 3. М., 1979. С. 29–30.
15. Drankourt M. Quand la «societe civile» entre en politique. A propos des out-rages respectifs des anciens ministeres Francais Mer et Luc Ferry // Futuribles. Analyse et perspectibe. Revue mensuelle. 2005. № 307. P. 35–41.
16. Faletti T.G. Sequential Theory of Dezentralization // American Political Science Review. 2006. № 3. P. 343.
17. John G., Strom Tacker C., Mordeno C. Centripetal Democratic Governance: A. Theory and Global Inquiry // American Political Science Review. 2005. № 4. Vol. 99. P. 224–226.
18. Kiefer D. Partisan stabilization policy and voter control // Public Choice. Contents. Dordrecht. 2005. № 1–2. V. 122. P. 115–132.
19. Moreno A. The Politics of Decentralization in a Centralized Party System: The Case of Democratic Spain // Comparative Politics. 2005. № 1. V. 38. October. P. 78–81.
20. Pech G. Coalition governments versus minority governments: Bargaining power, cohesion and budgeting outcomes // Public Choice. Contents. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers. 2004. № 3–4. V. 120. P. 1–24.

21. Wood R.S. The Dynamics of Incrementalism: Subsystems, Politics and Public Lands // Policy Studies Journal. 2006. № 1. V. 34. February. P. 13–15.

В.С. Калмыков

Проблема самосознания французских и русских военнослужащих эпохи наполеоновских войн (по их мемуарам)

В статье рассматривается менталитет военнослужащих французской и русской армий, их отношение к войне, своему долгу и неприятелю. Автор показывает отношение к войне в среде французских солдат и офицеров и их понимания причин войны 1812 г. Также рассматривается отношение русских офицеров к Наполеону и французской армии. Автор делает вывод о равенстве в патриотизме и силе духа военнослужащих русской и французской армий.

Ключевые слова: эпоха наполеоновских войн, Отечественная война 1812 г., мемуары французских и русских военнослужащих, генерал де Марбо, сержант Бургонь, капитан Паркен, майор Х. фон Брандт, партизан Д.В. Давыдов.

От эпохи наполеоновских войн нас отделяет около 200 лет, но с каждым юбилейным годом возрастает интерес к этому времени и событиям. Наиболее яркой страницей того времени, несомненно, была Отечественная война 1812 г. О сражениях и ходе войны написано огромное количество книг и статей, но наибольший интерес представляют мемуары непосредственных участников событий, к которым относятся военнослужащие русской и французской армий. Они позволяют увидеть эпоху наполеоновских войн глазами непосредственных участников, понять их отношение к войне и противнику, определить их понимание своего долга.

Воспоминания участников событий субъективны и пристрастны, но дают возможность ощутить самосознание людей того времени, понять их поступки и увидеть наполеоновские войны их глазами. Наиболее полно

дух эпохи передают мемуары барона и генерала де Марбо, которого Артур Конан Дойль сделал прототипом своего литературного героя бригадира Жерара. Генерал де Марбо происходил из дворянской семьи, а его отец начал свою военную службу в роте телохранителей короля Людовика XVI. Свои мемуары де Марбо писал для своей семьи, и они начинаются со слов: «Моя дорогая жена, мои дорогие дети, я был свидетелем, хотя и очень молодым, великой и страшной Революции 1789 года. Я жил при Конвенте и Директории, я видел Империю. Я участвовал в ее грандиозных войнах и чуть не был уничтожен при ее падении» [8, с. 10–11]. В этих словах полностью раскрывается судьба многих молодых французов. Их молодость пришлась на страшные и великие исторические события, и именно они сформировали их характер и мировоззрение. Как пишет сам де Марбо, их семья «имела благородное происхождение, хотя довольно долго не использовала перед своей фамилией частицу “де “» [Там же, с. 12]. Из этого можно сделать вывод, что де Марбо принадлежал к тому слою провинциального дворянства Франции, которое не отличалось богатством, а свое призвание видело в военной службе.

Революция во Франции, несомненно, отразилась на жизни таких провинциальных дворян, и, хотя сам де Марбо был еще ребенком, он сумел передать атмосферу того времени: «Собрание Генеральных штатов, возбуждавших столько страстей, разрушило покой, в котором пребывала провинция... и посеяла раскол почти во всех семьях. Поскольку мой отец уже давно порицал злоупотребления правящих кругов Франции, он придерживался мнения, что изменения необходимы, совершенно не предвидя те ужасы, которые последуют за ними» [Там же, с. 16]. Возникает вопрос, как де Марбо и его семья отнеслись к якобинскому террору и казни короля. Де Марбо пишет, что «...процессия (повозка с приговоренными к гильотине. – *В.К.*) привела моего отца в негодование... в присутствии своего адъютанта, в котором он был абсолютно уверен, не переставал восклицать “Эти жалкие члены Конвента испоганили революцию, которая могла быть так прекрасна“» [Там же, с. 20–21].

Эта характеристика Конвента и революции, конечно, наивна и идеалистична, но именно такой взгляд на якобинский террор был распространен в армейской среде. Отношение офицеров и солдат к политике Конвента оказали на де Марбо и его ровесников несомненное влияние. В их сознании получило распространение убеждение в том, что изначально идеалы революции были чисты, но их испортили члены Конвента и прочие тыловики. Характерно замечание самого де Марбо: «Я понял все, что говорил отец по этому поводу, и также испытывал ненависть к этой партии террористов» [8, с. 21].

Можно задать вопрос, были ли офицеры и солдаты французской армии революционерами и якобинцами? Насколько сильно они верили в идеалы революции? Ответ на этот вопрос будет несколько парадоксальным: в первую очередь они были патриотами Франции и идеалистами. Часть из них имела стойкие республиканские убеждения, но в большинстве своем они были далеки от якобинства. В мемуарах де Марбо можно найти прямой ответ на данный вопрос: «Но почему же, возразят мне, ваш отец служил правительству, которое он презирал? Да потому, что он думал, что изгнать врага с территории Франции – это всегда дело его чести, которое освобождает военных от солидарности с теми ужасами, которые творил Конвент» [Там же]. В принципе, это и есть ответ на вопрос, кем были солдаты и офицеры армии Наполеона. В основном они были патриотами, защищающими Францию от внешнего врага. Можно возразить, что эти настроения были присущи только офицерам и выходцам из дворянских семей, но Филипп-Рено Жиро, служивший военным музыкантом в пехотном полку, в своих мемуарах отмечает общий подъем патриотизма, охвативший французское общество: «В Битше мы вновь встретились с офицерами-добровольцами. Это были, большей частью, молодые люди из хороших семей. Все они отправились служить своей стране за свой счет и только из патриотических побуждений» [3, с. 65].

Конечно, в период наполеоновских походов идея защиты Франции постепенно вытеснялась чувством превосходства над другими странами и идеей верности императору, но в своей основе мировоззрение многих французских солдат и офицеров было сформировано в эпоху Республики и оставалось глубоко патриотичным по своему содержанию. Что касается отношения простых солдат к якобинцам и Конвенту, то самую яркую характеристику дают мемуары Жиро. Его пехотный полк участвовал в сражении при Флерюсе и, преследуя австрийцев, остановился у Льежа: «здесь нас застало известие о падении Робеспьера, Сен-Жюста и других 9 термидора II года. Это событие было радостно встречено всем лагерем» [Там же, с. 72]. Как это ни странно, армия французской республики не была якобинской по своей сути, поэтому и армия Наполеона в дальнейшем не была революционной или якобинской. В первую это была национальная и патриотическая армия, в которой были представлены все социальные слои Франции.

Правда, к 1812 г. настроения во французской армии достаточно сильно поменялись, и патриотизм был разбавлен чувством имперского превосходства. Как писал вахмистр 2-го кирасирского полка Тирион, «Полные сил и надежд, гордые принадлежностью к великой нации и носимым мундиром, мы мечтали о славе, о продвижении по службе

и победах» [2, с. 44]. Война рассматривалась военнотружущими французской армии как своего рода жестокий спорт или рыцарский турнир. При чтении мемуаров французских офицеров возникает ощущение, что они искренне не понимали враждебного отношения к французам в Испании и России. Что касается прихода к власти Наполеона и провозглашение его императором, то отношение к этому французской армии точно выразил де Марбо, написавший: «Французская нация устала от революций и, видя, насколько Бонапарт был необходим для поддержания порядка, готова была забыть ужасное дело герцога Энгийенского и возвести Бонапарта на вершину власти, провозгласив его императором» [8, с. 125].

Для французского общества и армии того времени это был закономерный выбор, поскольку реставрация Бурбонов была наихудшим вариантом. Открытым остается вопрос о степени республиканских настроений во французской армии, которые, несомненно, имелись, но, в основном, Бонапарт рассматривался как лидер нации и защитник национальных интересов Франции. К тому же республиканские структуры власти были морально подорваны режимом Директории. Причины войны Франции с европейскими странами рассматривались в офицерской среде как происки и интриги Англии. Как пишет де Марбо, присоединение Генуи к Франции «дало прекрасный повод англичанам, воспользовавшимся подобным решением для того, чтобы напугать все народы континента, которым они представили Наполеона стремящимся захватить всю Европу» [Там же, с. 131–132].

Такой несколько наивный взгляд на причины войны был характерен для офицеров и солдат французской армии. Следует отметить, что длительная война также формировала мировоззрение и самосознание французских военнотружущих. Война становилась привычной и обыденной вещью, источником славы и чинов, ее начинали даже любить. Вот что пишет в своих мемуарах капитан Паркен, офицер конно-егерского полка: «1 мая 1811 года бригада Фурнье покинула свое месторасположение и мы прибыли в Сьюдад-Родриго, где присоединились к дивизии генерала Монбрена, самого блестящего полководца из всех... В тридцать лет он был дивизионным генералом, графом Империи, получая сто тысяч франков жалованья вместе с обеспечением. Однако он находил удовольствие только в сражениях, предпочитая военные лагеря салонам» [4, с. 63].

Читая мемуары французских офицеров о войне, можно удивляться тому куртуазному и рыцарскому поведению, которое они описывают по отношению к своим противникам. Например, капитан Паркен, вспоминая первую встречу с англичанами, пишет следующее: «Командир

де Вериньи, отдававший приказы линии бригадных стрелков и желая познакомиться с господами английскими офицерами, сказал мне: Паркен, вот бутылка превосходной французской водки, скачите галопом к английской линии, помащите белым платком, и когда к вам подъедут узнать, чего вы хотите, отвечайте, что предлагаете офицерам, находящимся в линии напротив, распить эту бутылку вместе с ними» [4, с. 85]. Естественно, что такие эпизоды не определяли облик войны, особенно в Испании и России, но они показывают определенный менталитет военнослужащих французской армии, воспринимающих войну как рыцарский турнир. Это представление о войне скорее восходит к XVIII в. В какой-то степени армия наполеоновской Франции унаследовала его от прежней королевской армии.

Однако к 1812 г. в армии Наполеона все больше чувствуется усталость от долгой войны, а солдаты из иностранных частей воюют вовсе не из патриотических чувств. Свидетельства этому можно найти в мемуарах Хайнриха фон Брандта, служившего в Легионе Вислы. Перед походом в Россию он с другими офицерами Легиона побывал в Париже и оставил об этом такие впечатления: «офицеры Легиона Вислы вынесли с собою из столицы Франции ... неодинаковые впечатления. Большинство было недовольно. Все мечтали о производствах, о наградах, об орденах, о дотациях. Чем скупее офицеры и солдаты награждались орденами в Испании, те более надеялись они на награды здесь» [10, с. 19–21]. Иностранные части сильно разбавили состав «Великой Армии» и, несомненно, ухудшили ее качество. Иностранные солдаты не имели никаких патриотических чувств по отношению к Франции и воевали за награды, чины и прочее.

Даже польские солдаты, наиболее верные союзники Франции, воевавшие за возрождение Польши, также были подвержены этим настроениям. В мемуарах фон Брандта можно встретить и описание экономического состояния герцогства Варшавского: «5 мая добрались до Познани. Впечатления, приобретенные нами на марше, были не из радостных. Повсюду мы встречали несчастья и бедность, торговля и промышленность не существовали; земледелие находилось в жалком положении; цены на хлеб упали чрезвычайно низко; все остатки жатвы шли не на рынок, а в военные магазины. Словом, везде господствовала нужда, неудовольствие, желание лучшего» [Там же, с. 22].

Это свидетельствует не о процветании Империи Наполеона, а о ее истощении длительной войной, которая утомила не только гражданское население, но и армию. К 1812 г. солдаты «Великой Армии» были менее дисциплинированы и более склонны к грабегам, чем во времена

Республики. Как отмечает фон Брандт, «Бездельники французы, – говорили польские солдаты, – хозяйничают здесь (в России. – *В.К.*), как в Испании; но они ошибаются, если думают, что русские не отплатят им тем же; придет время и для них» [10, с. 10]. За долгие годы война стала для офицеров и солдат наполеоновской армии своего рода профессией и образом жизни: «Молодые же офицеры были преисполнены наилучшими надеждами: они крепко веровали в звезду императора, и я думаю, если бы он потребовал атаковать луну, молодежь ответила бы: “marchons” (здесь в значении: пойдём. – *В.К.*). Молодые воины мечтали лишь о сражениях и победах» [Там же, с. 15].

Такие настроения были распространены среди офицеров и солдат наполеоновской армии в начале похода в Россию. Война представлялась им короткой и победоносной, приносящей награды и чины. Однако нельзя сказать, что «Великая Армия» образца 1812 г. была лучшей армией Франции по своему качественному составу. Например, де Марбо считает, что лучшей армией Франции была «Великая Армия» образца 1805 г.: «Никогда еще у Франции не было более подготовленной и образованной армии, с таким превосходным по качеству личным составом...» [8, с. 132]. Определенную трансформацию морального состояния своей армии чувствовал и Наполеон, пытавшийся перед походом в Россию вдохновить солдат уставами эпохи Республики: «Перед вступлением на русскую землю нам были прочитаны для напоминания правила об обороне крепостей и о капитуляции в открытом поле, написанные еще во времена республики (26 июля 1792 г. – *В.К.*) и пополненные новыми императорскими постановлениями» [10, с. 10]. Такая попытка говорит о стремлении Наполеона вернуть своей армии боевой дух прошлых лет, связанный с патриотическими настроениями. Однако в 1812 г. французская армия уже не была национальной и патриотической, она в большей степени стала императорской.

Можно составить обобщенный портрет солдата или офицера «Великой Армии» того времени. Отличительными чертами его мировоззрения были чувства чести и долга по отношению к Франции и Императору, несомненная храбрость и верность своему знамени и подразделению. Многим офицерам был свойственен своеобразный дух рыцарства и отношение к войне как жестокому спорту. Все это было смешано с чувством превосходства над другими народами и склонностью к грабежу местного населения. Следует отметить отсутствие религиозности среди военнослужащих «Великой Армии». Эта сторона жизни обошла их стороной. Религиозное чувство у других народов вызывала у них искреннее удивление.

Как вспоминает сержант Бургонь, во время похода в Россию его удивила религиозность русских: «В тот день я был в авангарде еще с пятнадцатью товарищами и мне поручили стеречь нескольких офицеров, оставшихся в плену после Бородинского сражения. Многие из них говорили по-французски. Между ними находился, между прочим, и православный поп, вероятно, полковой священник... Я заметил, как и многие другие, что когда мы взобрались на холм, все пленные склонили головы и несколько раз набожно осенили себя крестным знаменем. Я подошел к священнику и осведомился, что означает эта манифестация. “Сударь, – отвечал он, – гора, на которой мы находимся, называется Поклонной, и всякий добрый москвич при виде святынь города обязан перекреститься”» [1, с. 12].

Как справедливо отмечает В.Н. Земцов, «Эпоха Великой революции, захлестнувшая безбожием и атеизмом французскую нацию, была не так далека» [6, с. 39]. Аббат Сюрюг, настоятель церкви Св. Людовика в Москве, отметил, что французские солдаты отличаются безразличием к религии. В письме к своему другу он отметил, что: «Среди 12 тысяч человек, умерших во время нахождения здесь (в Москве. – В.К.), я похоронил по обычному обряду только одного офицера и одного из слуг генерала Груши» [Цит. по: 6, с. 40]. Таким образом, можно сказать, что военнотружущие «Великой Армии» в своей массе были людьми не религиозными, но личность Наполеона заменила в их душе Бога. Это был один из феноменов наполеоновской эпохи и основной идеологический стержень французской армии.

Русские солдаты и офицеры впервые встретились в бою с французами еще в Италии, во время похода А.В. Суворова. В дальнейшем русская армия сражалась с французской с небольшими перерывами до 1814 г. За это время солдаты и офицеры русской армии составили определенное мнение о своих противниках, но самое первое впечатление о французах они вынесли из Итальянского похода А.В. Суворова. Вот как отзывался о французах и сражениях с ними унтер-офицер Яков Михайлович Старков, описывая сражение при Треббии: «Битва была насмерть. Наши невольно пятились назад; а безбожники гордо, пышно шли вперед, с игрою музыки и с громким криком: Вив републик! Вив либерте-эгалите!» [11, с. 90].

Солдаты русской армии отметили храбрость и патриотизм французов, но в отличие от своих противников они были людьми религиозными. Французы воспринимались ими как безбожники. В войне 1812 г. этот фактор играл огромную роль. Д.С. Мережковский о Бородинском сражении писал: «Может быть, не только французы и русские, но и люди

вообще, никогда не дрались с таким ожесточением и с такою равною доблестью, потому что за святыни равные: французы за мир и Человека, русские за отечество и еще что-то большее, сами не знали за что: думали «За Христа против Антихриста»» [9, с. 211–212].

Патриотизм русских солдат и офицеров, их верность присяге и своему знамени столкнулись с патриотизмом французов и их верой в Наполеона. В этом духовном столкновении их силы были практически равны, но русские рассматривали эту войну как борьбу с захватчиком, поэтому перевес в моральных силах был на их стороне. Фактически только русская армия в то время была достойным противником французов на поле боя. Старшие офицеры русской армии отдавали должное храбрости французов и военному таланту Наполеона. Еще А.В. Суворов так отзывался о молодом Бонапарте: «О, как шагает юный Бонапарт! Он герой, он гигант, он колдун! Он побеждает и природу и людей. Лишь только вступил на путь военачальничества, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем... Но ежели... бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет» [7, с. 34].

Как отмечает Л.Л. Ивченко, русские полководцы, помнившие царствование Екатерины II, осуждали Бонапарта за «преступное самовластье» [Там же]. Если доводить мысль до конца, то в их представлении Наполеон был незаконным императором. Получив власть, он должен был вернуть ее законной династии Бурбонов. Такая постановка вопроса для Франции и ее общества того времени была бессмысленна. Ни армия, ни французское общество не поддержали бы Бонапарта в таком политическом вопросе. Даже если бы он и хотел передать власть Бурбонам, у него не было для этого никакой возможности. Однако для русских офицеров, считавших монарха помазанником божьим, вопрос о законности власти был решающим.

Военный талант Наполеона и доблесть французской армии вызывали восхищение у русских офицеров. Наиболее ярко описал это в своих мемуарах Д.В. Давыдов, которого трудно заподозрить в любви к Наполеону. Описывая бой под Красным, он искренне восхищался старой гвардией Наполеона: «Наконец, подошла старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон. Неприятель, увидев шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими

медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля!» [5, с. 310–312]. Эту цитату часто приводят в статьях, посвященных армии Наполеона, поскольку в ней дается прекрасная характеристика боевых качеств гвардейцев Наполеона, данная современником.

Как справедливо отмечает Л.Л. Ивченко, русские офицеры откровенно восхищались военным гением Наполеона и французской армией. Они откровенно сочувствовали маршалу Нею, приговоренному к смерти, после поражения Наполеона при Ватерлоо [7, с. 37]. Фактически сложилась парадоксальная ситуация, когда офицеры вражеской армии восхищались противником и проявляли к нему сочувствие. Происходило это вследствие того, что солдаты и офицеры русской и французской армий в большинстве своем были искренними патриотами, а понятие чести и долга не было для них пустым звуком. В моральном отношении силы обеих армий были равны, а мировоззрение военнослужащих опиралось на патриотизм и верность долгу.

В заключение следует сказать несколько слов о войнах Франции и России, длившихся с перерывами с 1799 по 1814 гг. Они не были спровоцированы личностями Наполеона или Александра I, проблемы этого конфликта лежали гораздо глубже. Наполеон мог погибнуть в сражении при Арколе или в Египте, но французская республика и ее противоречия с государствами Европы и Англией никуда не исчезли бы. Не исчезло бы и отрицательное восприятие Франции при королевских дворах Европы и в России, а на месте Бонапарта мог оказаться и другой генерал. Поэтому создание антифранцузских коалиций и военные кампании, направленные против Франции, были объективным явлением. Участие в этих коалициях России тоже было весьма вероятно, поэтому дело не в личностях Наполеона или Александра I.

Библиографический список

1. Бургонь, Адриан-Жан-Батист. Мемуары. М., 2003.
2. Воспоминания вахмистра 2-го кирасирского полка о кампании 1812 г. // Сержант. 2003. № 26. С. 44–47.
3. Воспоминания Жиро // Воин. 2004. № 16. С. 62–65. 2005. № 18. С. 71–73.
4. Воспоминания капитана Паркена // Воин. 2003. № 11. С. 60–63. № 12. С. 85–89.
5. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1987.
6. Земцов В.Н. Смерть Фердинанда Ларибуазьера // Император. 2004. № 6. С. 34–40.
7. Ивченко Л.Л. Наполеон глазами русской армии // Император. 2006. № 9. С. 32–37.

8. Мемуары генерала барона де Марбо. М., 2005.
9. Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993.
10. Поход в Россию: Из записок прусского офицера // Армии и битвы. 2005. № 4. С. 19–22. 2006. № 5. С. 10–15.
11. Преснухин М.А. Битва на Треббии 1799 г. М., 2001.

А.А. Орлов

Новое историческое исследование о средневековом славонском городе

(Лотменцев А.М. Славонский Градец.

Libera regia civitas. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 184 с.)

Известный афоризм, приписываемый германскому канцлеру Отто фон Бисмарку, гласит «Балканы – пороховой погреб Европы». Эти слова были сказаны в эпоху русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Их не забыли, потому что бурные события первой половины XX в., когда произошли две мировые войны, были напрямую связаны с Балканами. Современное нестабильное социально-политическое состояние данного региона также потенциально угрожает миру в Европе. Чтобы устранить эту опасность, необходимо понимать, как исторически развивались разные территории Балканского полуострова, где следует искать истоки возникавших там конфликтных ситуаций и как они разрешались (или почему так и не были разрешены) в предыдущие периоды.

Именно такую задачу, на наш взгляд, выполняет (на локальном примере) монография кандидата исторических наук, доцента кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) А.М. Лотменцева – автора вузовского учебного пособия по истории южных и западных славян¹. Свободный королевский город (*libera regia civitas*) Градец в средние века стал опорным пунктом власти венгерских королей в Славонии и сыграл важную роль в создании Венгерско-Хорватского королевства, развитии его экономики и торговли,

¹ Лотменцев А.М. История южных и западных славян: Учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. – 397 с.

а также в противостоянии христианских земель страшной угрозе османского (турецкого) нашествия.

Автор определил предметом своего исследования изучение системы связей между различными сообществами славонского города на переходе от Средневековья к Новому времени на микро- и макроуровне, в первую очередь, сообществами ремесленников и купцов; изучение того, как работала и из каких элементов состояла система управления городов. По его мнению, «специфика свободных королевских городов проявлялась в том, что они опирались в своей повседневной жизни на свободы и привилегии, гарантированные им королевской властью, обладая при этом значительным суверенитетом» (с. 7). А.М. Лотменцев фиксирует свое внимание на особенностях напряженной повседневной жизни горожан, подготовившей «...огромного значения события, которые необратимо изменили лицо европейской цивилизации» (там же). В связи с этим он стремится «...прояснить то, как функционировал и как менялся (на протяжении XIII–XVII вв. – *А.О.*) крупнейший город Славонии – Градец, в первую очередь, какие перемены в социальной, этнической и экономической жизни предопределили особенности его развития» (там же).

Поставленные задачи были реализованы автором на основании изучения обширного документального материала (фундационных грамот славонских городов и городских цехов, многочисленных поправок к ним, пожалований привилегий, переписки венгерских королей с городами, переписей населения, протоколов заседаний Градецкого магистрата, книг о земельных владениях и др.). Он также привлек значительный историографический материал, включающий в себя работы хорватских, венгерских, немецких и русских историков. При этом отмечается, что если крупным торговым городам Далмации «...историческая наука всегда уделяла много внимания, то историография славонских поселений насчитывает не так много литературы. Единственным городом (за исключением Загреба и пограничного ему Градца), которому была посвящена отдельная монография, остается Вараждин» (с. 10).

В первой главе монографии «Проблемы взаимодействия городов Славонии и венгерской короны Св. Стефана» (с. 21–74) рассмотрены предыстория основания Градца в 1242 г., проанализированы фундаментальные грамоты славонских городов, описана борьба венгерских королей и их противников за власть и дана оценка роли Славонии в этой борьбе, изучена история развития Градца в период деятельности регента Венгерского королевства Яноша Хуньяди и его сына короля Матьяша Хуньяди (Матвея I Корвина), показана деятельность горожан Градца в период обороны от турок и приведены данные об особенностях развития Вараждина

и соседа-конкурента Градца епископского Загреба. А.М. Лотменцев отмечает: сложность взаимоотношений Загреба и Градца была предопределена с момента основания последнего, т.к. «епископ Загреба выступал в качестве одного из влиятельнейших феодалов региона, обычно пользовался поддержкой каноников Загребского Капитула... и не собирался делиться своими доходами с городской общиной» (с. 29). Но венгерские короли из династии Арпадов в XIII в. активно вели политику создания подчиненных только им свободных городов, противопоставляя их старым центрам, где была сильна власть католической церкви. «В целом на основании изучения фундаментальных грамот можно сделать вывод, что такие города, как Градец и Крижевцы, а также отчасти Вараждин, явились основной опорой короны Св. Стефана в регионе и по значению явно превосходили другие города вроде Сомбора или Петриньи», – пишет автор (с. 41).

Неудивительно, что в тяжелой ситуации постоянной и жестокой борьбы за власть, развернувшейся в Венгерском королевстве в XIII–XIV вв., Градец проявил полную лояльность по отношению к действующим монархам. Город «...активно выступал не только против мятежников, локализованных для общины в лице загребского епископа, но и против других магнатов и рыцарей хорватского происхождения. Таким образом, город оказался едва ли не единственной опорой королевской власти в регионе» (с. 51). В период правления Матьяша Хуньяди (1458–1490) ситуация в городе постепенно нормализовалась, горожане накопили значительные силы и средства, что позволило им успешно противостоять нашествию турок в первой половине XVI в. Однако вызванный длительными войнами кризис торговли и значительные расходы тяжело ударили по экономике Градца. Это привело к новым попыткам епископов Загреба уменьшить роль конкурента и поставить его под свой полный контроль. Остроту борьбы на время уменьшила только необходимость местного противостояния турецкой угрозе (с. 74).

Во второй главе «Политические аспекты жизни Градца» (с. 75–95) рассмотрены система управления городом и устройство его общины, конфликты, возникавшие по разным поводам между жителями Градца и Загреба, а также период нахождения первого под властью магната Ульриха фон Цилли – ставленника германского императора Сигизмунда I Люксембургского. Описывая административное устройство города и его эволюцию, автор не соглашается с выводом ряда хорватских историков, называющих общину Градца «...образцом идеальной демократии, в которой все граждане (а, возможно, и просто жители) активно участвовали в управлении и имели одинаковые права и даже

возможности» (с. 78). В то же время, он отмечает: «... в управлении городом... участвовали представители всех зафиксированных (массовых) прослоек коммуны. Этнический принцип ротации городской администрации также наводит на мысль о серьезной базе демократических традиций Градца» (с. 78–79). Что касается количества его населения, то здесь А.М. Лотменцев, на основании взятых из переписи данных о живущих в городе 40 мясниках (средневековая норма – 1 мясник примерно на 100 чел.) и по аналогии с известным населением Ипра и Нюрнберга, определяет число жителей Градца в пределах от 3,5 до 4 тыс. чел., каковое число не менялось до конца XVIII в. (с. 84–85).

По своему статусу «свободного королевского города» Градец являлся обладателем прав юридического лица благородного сословия, т.е. был коллективным феодалом для подчиненных ему сел округа. Это категорически не устраивало загребский Капитул, что приводило к междоусобицам двух центров, принимавшим порой весьма острый характер. В 1391 г. дело даже дошло до обстрела Градца из трех артиллерийских орудий (с. 88). Жители Градца, в свою очередь, нападали на своих противников и жестоко убивали их. Епископ Загреба наложил на преступников интердикт. Конфликт удалось урегулировать только благодаря личному вмешательству Сигизмунда. Интердикт был снят, но император, ориентирующийся в своей политике на церковь, назначил епископа Загреба правителем Градца (с. 90).

В 1441 г. город был взят войском Ульриха фон Цилли, чему способствовала соглашательская политика загребского Капитула. С этого момента все права и привилегии Градца стали недействительными. Так «... был впервые нарушен поддерживавшийся многие десятилетия порядок, когда город полновластно пользовался дарованной ему автономией» (с. 94–95). Цилли был убит в 1456 г. и после этого горожане получили от короля Владислава (Уласло II) Ягеллона подтверждение своих прежних свобод. Но, по мнению А.М. Лотменцева, время правления Цилли в Славонии имело огромные негативные последствия для города. «Устоявшаяся система правления была разрушена, королевские привилегии, которыми город пользовался в течение двух веков, утеряны. Период активного взаимодействия королевского города с королевской властью подходил к концу» (с. 95).

В третьей главе «Ремесло и торговля в Градце (этнический, социальный и экономический аспекты)» (с. 96–145) описана жизнь ремесленников Градца, дана оценка этапов и степени развития цеховой системы, охарактеризованы национальные общины, проанализирован материал о земельной собственности жителей города, показаны эволюция торговли

и состояние городской администрации в XVII в. В начале главы автор предпринимает попытку выяснить роль Градца для всей Славонии через выявление отраслевой структуры ремесла в городе. При этом он указывает: для славонских городов такой материал имеется только в документах, касающихся истории Градца и Вараждина (с. 96). Эти два города он в дальнейшем и сравнивает. Компаративистское исследование приводит его к выводу, что «...процентное соотношение ремесленников можно рассматривать как 1/3–4 в пользу Градца. Вместе с тем, следует особо отметить значительно большую специализацию ремесла в Градце» (с. 112).

Автор обращает внимание на существенное (столетие, если не более) отставание Градца в создании цеховой системы от западноевропейских городов. Впрочем, по его мнению, здесь следует говорить о Славонии в целом, лидерство в городской экономике которой Градцу (вместе с Загребом) удавалось твердо удерживать на протяжении Средних веков по всем показателям. Кризис Градца, вызванный грабительской политикой Цилли и продолжавшийся впоследствии, А.М. Лотменцев сравнивает с относительно успешным развитием Загреба. Причины этой диспропорции он видит в отстранении Градца от ведения масштабной торговли и в активном процессе переселения ремесленников, не имевших возможности вступить в цех, в епископский Загреб (там же).

Характеризуя национальные общины города, автор сообщает о том, что в нем преобладали 4 крупные группы: германцы, итальянцы, венгры и славяне. До 1437 г. итальянцы, в основном, выходцы из Флоренции, были наиболее могущественными и богатыми. Славяне превосходили их количеством, а их язык превалировал в городе, хотя вся документация велась на латыни. Итальянцы занимались преимущественно торговлей. Немцы были ремесленниками, как правило, каменщиками и строителями, среди них, как и среди славян, встречались златокузнецы, а купцов было значительно меньше. Венгры по количеству значительно уступали представителям других «коренных» групп населения. Смешанные браки стали обычной практикой городской жизни. «Следует заметить, что граждане часто меняли место жительства в зависимости от своих текущих финансовых дел, особенно это касается торговцев», – пишет А.М. Лотменцев (с. 120).

Описание города он дополняет краткой информацией о развитии аграрно-производственных процессов на территориях, подлежащих юрисдикции его властей. Говорится о том, что торгово-ремесленное население Градца не было столь ориентировано на владение земельными участками, как каноники Загреба. Но существование города без земель

сельскохозяйственного назначения было невозможно. Этим объясняется длительная (в течение почти 400 лет!) борьба за них между Градцем и Загребом, шедшая с перерывами и с разным успехом в зависимости от расположения королевской власти к той или иной стороне. Земельные тягбы велись градецкой коммуной не только с канониками, но и с дворянами, а также каштелянами укреплений, принадлежавших королю или магнатам (с. 120–121).

Торговцы, наряду с ремесленниками, играли определяющую роль в управлении коммуной. Их соотношение в администрации, изменяясь, отражало перемены исторических реалий городской жизни. Поэтому А.М. Лотменцев уделяет свое внимание развитию внутренней и внешней торговли города, взаимоотношениям купечества с епископами Загреба, с королями и их представителями, налоговой политике городских властей и различным формам купеческих объединений (с. 124–130). В заключение третьей главы он рассказывает об устройстве городской администрации (магистрата) и о ее деятельности (по протоколам заседаний магистрата) на протяжении 1604–1699 гг. (с. 131–145).

Подводя итоги исследования, автор пишет: на протяжении всего рассматриваемого периода времени город оставался опорой королевской власти в Славонии и, вместе с тем, самостоятельным институтом, стремящимся расширить свои права. Только Градец и Крижевцы можно отнести к категории свободных королевских городов. Королевская власть обеспечила выживание и процветание (до перехода под власть Цилли в середине XV в.) Градеца. Градец, в свою очередь, оказывал важные услуги королям. «Одна из них заключалась в том, что он парализовал сепаратистские попытки загребского епископа, бывшего одним из наиболее опасных для королевской власти магнатов Славонии» (с. 146). Градец сыграл значительную роль в обороне региона от турок, что негативно сказалось на его экономике. Авантюристическая политика Сигизмунда I Люксембургского внутри страны и за рубежом вызвала кризис и в системе управления городом, нарушив, по выражению автора, хрупкий паритет между национальными и ремесленными общинами, а также гильдиями торговцев (с. 147).

К монографии приложены библиографический список (с. 148–152), составленные автором статистические приложения (табл. 1–8, с. 153–157) и некоторые принципиально важные для его исследования документы (на латыни и в переводе на русский язык), в частности, «Золотая булла об основании Градеца» (1242 г.) (с. 158–181).

Конечно, автору можно высказать и некоторые замечания. Самым значительным из них, на наш взгляд, будет следующее. Необходимо было

более точно определить, какой смысл он вкладывает в многократно им повторяемое понятие «городская демократия». Тогда удалось бы избежать неясностей, связанных с тем, что во введении к монографии сказано: «...принципы демократии, учитывающей интересы всех слоев общества, были, в конечном счете, отвергнуты городами Средневековья» (с. 7). А на с. 78–79 мы читаем предложение (оно уже цитировалось выше) со словами о «серьезной базе демократических традиций Градеца». Об этом же говорится и в заключении работы (с. 147).

Сделанное нами замечание никоим образом не отменяет того факта, что отечественная историография проблемы развития славонских городов пополнилась новым ценным исследованием, полезным как для специалистов, так и для всех читателей, интересующихся историей Балканского полуострова и населяющих его народов.

О.Г. Радькова, М.В. Стрелец

Александр Абрамович Галкин как образец ученого-обществоведа

Известный российский ученый, главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор исторических наук, профессор Александр Абрамович Галкин является крупнейшим исследователем проблем германского национал-социализма. Его научные интересы связаны также с политической социологией, проблемами глобализации, общественным сознанием, современными политическими движениями и режимами. Он автор более 300 научных публикаций, среди которых 17 монографий.

А.А. Галкин родился в 1922 г. в Витебске, среднюю школу окончил в Минске. Участник Великой Отечественной войны, награжден многими боевыми орденами и медалями, закончил войну в звании гвардии капитана. В августе 1945 г. он был направлен в Германию для службы в Бюро информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ), где сначала работал на должности выпускающего редактора отдела по изучению западных зон Германии, затем – заместителем начальника Бюро,

а в 1949 г. был назначен начальником Информации по западным зонам оккупации Германии Бюро информации СВАГ. В 1947 г. добился демобилизации как «специалист народного хозяйства» и с этого времени работал в СВАГ в статусе «вольнорабочего» [23, с. 165–166]. В 1946–1949 гг. обучался на историческом факультете МГУ, по окончании которого поступил в аспирантуру истфака МГУ, которую завершил в 1952 г. Темой его дипломной работы, а затем и кандидатской диссертации стала проблема сепаратистского движения в Рейнской области в 1918–1919 гг.

Первая монография А.А. Галкина, написанная по материалам кандидатской диссертации, раскрывала деятельность германских сепаратистов, вступивших в антинациональный сговор со странами Антанты в период революционного подъема в Германии. Одним из инициаторов сговора был Конрад Аденауэр, в будущем канцлер ФРГ. Сепаратисты стремились создать буферное или полубуферное Рейнское государство, контактируя с шовинистическими кругами Англии и Франции, заинтересованными в усилении центробежных сил в Германии. Активизация сепаратистов во второй половине января 1919 г. была «непосредственной реакцией на январские выступления авангарда германского рабочего класса» [2, с. 61]. Однако, как показал автор, в условиях разгрома рабочих отрядов, убийств вождей пролетариата К. Либкнехта и Р. Люксембург, результатов выборов в Национальное собрание планы создания германской Вандеи на левобережье Германии теряли актуальность [Там же, с. 62].

Пристальное внимание молодого ученого привлекла тема, связанная с происхождением, сущностью и крахом нацизма в Германии. Им был написан ряд содержательных статей и популярных брошюр по данной тематике [5; 21], а в 1967 г. опубликована оригинальная книга «Германский фашизм», которая явилась наиболее крупным и обобщающим исследованием германского фашизма в советской историографии и вышла двумя изданиями [3; 4]. В основе первого издания книги лежала докторская диссертация А.А. Галкина, успешно защищенная им в 1966 г. Второе издание было дополнено рядом новых материалов, расширена часть, в которой анализировалось электоральное поведение масс в годы прихода нацистов к власти, рассмотрено отношение фашистов к религии, и, прежде всего, к католической церкви. В книгу дополнительно была включена глава, посвященная динамике выборов в годы Веймарской республики.

Книга А.А. Галкина представляет собой глубокое историко-социологическое исследование германского национал-социализма. Несомненной заслугой автора является то, что в работе впервые были проанализированы социальные аспекты нацистской идеологии, раскрыты стратегия

и тактика НСДАП в рабочем вопросе, практически не исследованные в тогдашней отечественной историографии.

В первом разделе книги «Фашизм и правящие классы» А.А. Галкин показал связи нацистской партии с монополиями по многим направлениям. Во-первых, отметил автор, «деньги монополий помогли национал-социалистам проводить внутри страны политику социальных подачек, которая в немалой степени способствовала стабилизации нацистского режима и сохранению им массовой базы» [4, с. 30–31]. Во-вторых, нацистский режим устраивал монополии по многим позициям: содействовал огромному росту их прибылей, создавал благоприятные для монополий условия в борьбе за передел мира. Монополии усердно работали на войну и «не менее усердно собирали богатую военную жатву» [Там же, с. 80]. Они непосредственно присваивали или приобретали у государства за бесценок трофейные предприятия, вывозили из оккупированных территорий сырье, широко использовали рабский труд насильно угнанных иностранных рабочих и заключенных концентрационных лагерей. В целом же, отметил автор, хотя «многие частные проявления созданной фашистами экономической системы не полностью удовлетворяли крупную буржуазию», эта система ее устраивала, по крайней мере, до тех пор, «пока не стало ясно, что нацистский корабль идет ко дну» [Там же, с. 89].

Важное место в данном разделе занял вопрос о формировании союза фашистов и милитаристов. Нацистский режим привлекал рейхсвер во многих отношениях, особенно планы национал-социалистов во внешнеполитической области, что предвещало «крупные военные ассигнования, новые возможности выдвижения – чины, ордена, славу» [Там же, с. 128].

Во втором разделе книги «Фашизм и народные массы» пристальное внимание автор уделил отношениям нацистов к рабочему классу и средним слоям. Он попытался объяснить, почему национал-социализм смог увлечь под свои знамена часть рабочих, раскрыл значение «рабочего вопроса» в стратегии и тактике фашизма, методы проникновения в рабочую среду нацистской идеологии. Значительное внимание было уделено позиции средних слоев германского общества, которые автор рассматривал как массовую базу фашизма. Это был многочисленный слой, нажившийся на аризации, это владельцы «наследственных дворов», измывавшиеся над даровыми рабынями с востока, штурмовики и эсэсовцы, унтер-офицеры вермахта, отправлявшие посылки с захваченных территорий своим семьям [Там же, с. 267].

Идеология фашизма, рассмотренная в третьем разделе, была изучена А.А. Галкиным в социально-психологическом разрезе. Заслугой автора

является то, что он впервые осветил не рассматривавшийся ранее в литературе вопрос о разделении нацистской идеологии на идеологию масс и идеологию элиты. В идеологической обработке немецкого населения, на его взгляд, тесно переплелись действия трех сил – аппарата террора, организационного воздействия и пропаганды. Он смог проследить связи традиционного германского национализма, основанного на монархических взглядах, и национал-социалистов. Появились концепции старого и нового национализма. Если старый национализм – это узость и династизм, то новый – это не узкая каста, а широкие массы. Здесь А.А. Галкин увидел мостик ко второй части нацистской мировоззренческой пирамиды, которую фашисты назвали «социализмом». Опровергая миф о надклассовости государственной машины нацистской Германии, ученый писал: «Идея сильного государства..., облаченная в популярную социальную оболочку, имела в таких условиях все шансы на массовую поддержку» [4, с. 295]. Трактующий как сильная государственная власть, фашистский «социализм» устраивал германскую буржуазию. Поскольку всевластие государства было провозглашено основным содержанием нацистского «социализма», высшей формой управления был объявлен принцип вождизма, который толковался нацистами как основная форма построения всей иерархии сверху донизу – «фюрер объявлялся олицетворением воли народа, выразителем его национального и расового духа» [Там же, с. 297].

Для теоретического обоснования концепции сильного государства нацисты использовали так называемую органическую теорию государства, согласно которой общество, конституировавшееся в государство, подобно живому организму, в котором отдельный человек составляет первичную клетку, а сословия – отдельные органы. Не социальная справедливость, как общественный принцип, а широко организованная система подачек была использована для завоевания масс, на определенном этапе это давало свои всходы. На практике социальный патернализм выражался в проведении серии демагогических, но в то же время «материально фундированных акций социальной благотворительности» [Там же, с. 299].

Активизация неофашистов в 1960–70-е гг. во многих странах побудила А.А. Галкина специально проанализировать сущность фашизма как социально-политического феномена в книге «Социология неофашизма» [20]. Фашизм как феноменальное историческое явление XX в. задал столько вопросов, что ответы на них ищут и сегодня. По мнению автора монографии, и раньше по поводу оценки фашизма дискуссии носили упорный и ожесточенный характер. Трактовки фашизма менялись с течением вре-

мени и в зависимости от оценки его со стороны различных идейных и политических течений. В соответствии с оценками национал-социализма, принятыми в советской историографии, автор проанализировал разные направления – консервативное, либеральное, концентрировавшее свое внимание на «социально-психологических аспектах воздействия мероприятий фашистского режима на массы» [20, с. 19]. А.А. Галкин указал и на линию исследования фашизма, исходившую из концепций тоталитаризма, что состояло в уподоблении фашизма и социализма и противопоставление им парламентской системы западного общества.

А.А. Галкин, характеризуя марксистскую концепцию, отметил как ее недостаток оценки фашизма, связанные с нечетким разграничением фашистской и буржуазно-парламентской форм правления, а также с ошибочной оценкой социал-демократии как «левого, умеренного крыла фашизма» [Там же, с. 27]. Он повторил оценку фашизма как террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала, данную VII конгрессом Коминтерна, но одновременно указал на необходимость более внимательного рассмотрения функций нацистского режима, обоснованных рядом западных авторов. Автор определил сущность фашизма как «...выражение острого социального и политического кризиса капитализма. Он представляет собой особую форму перехода от капиталистического (а иногда и монополистического) капитализма к капитализму государственно-монополистическому» [Там же, с. 67]. Эта форма используется тогда, когда традиционная система власти по тем или иным причинам выступает несостоятельной.

Важное место в данной работе занимает проблема типологии фашистских режимов. Автор выяснил общие и отличительные черты фашизма в Италии, Германии, Испании и других странах, обратил особое внимание на неофашистские движения. На богатом социологическом материале он исследовал сдвиги в социальной структуре послевоенного западного общества, выяснил причины роста неофашистских настроений в ряде развитых стран. Это разного рода праворадикальные движения в ФРГ, Италии, Франции, США. Он указал на такой феномен, как «экспортируемый фашизм». Зарегистрированное еще в 30-е годы XX в., это явление присутствует в настоящее время. Экспортируемые извне фашистские режимы проявляют независимость от социальных сил внутри страны. Интересы зарубежных покровителей для них более важны, чем национальные интересы [Там же, с. 184]. Отличительной чертой всех неофашистских течений является, по мнению А.А. Галкина, глубокий социально-политический консерватизм.

В работах постсоветского периода А.А. Галкин попытался дать сжатую характеристику основных гипотез, объясняющих сущность фашизма, и выдвинул свою авторскую гипотезу. По его мнению, фашизм в разных его стадиях (движение – партии – режим) является порождением острых кризисов, охвативших общество. Фашизм, в отличие от традиционных диктатур, черпает силы в массовом движении протеста, тяготеет преимущественно к правоконсервативной идеологии [13, с. 6–15]. Ученый, опираясь на свой опыт многолетних исследований, указал, что в последние годы распространились концепции, как бы растворяющие фашизм в более широком явлении – тоталитаризме, рассматривающие фашизм как проявление болезненного состояния общественного сознания [17, с. 150]. Не отвергая других подходов, А.А. Галкин следующее определение фашизма: «...это правоконсервативный революционеризм, пытающийся, не считаясь с издержками, снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия» [Там же, с. 152]. Представляется, что данное определение опускает указание на то, что фашизм был кровавой диктатурой, проводивший свою политику преступными методами.

Помимо проблем фашизма, А.А. Галкина интересовала тема послевоенного устройства Германии. В написанной совместно с Д.Е. Мельниковым монографии «СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1965 гг.)» была раскрыта политика великих держав по германской проблеме на протяжении первых 20 лет после окончания второй мировой войны.

Выясняя предпосылки послевоенного урегулирования, в том числе и германской проблемы, авторы обратили внимание на межсоюзнические отношения военного времени, проблему германского единства, позитивные программы послевоенного урегулирования и как они претворялись в жизнь. Они исходили из того, что создание западногерманского государства означало полный разрыв западных стран с принципами Согласованной Комиссии четырех держав в германском вопросе, означало, что в части Германии, в которой «сконцентрирована основная промышленная мощь страны, господство милитаризма получило свое государственно-правовое воплощение...» [10, с. 131]. Возникновение двух германских государств, специфика их внутреннего развития, характер союзнических отношений, в которые вступило каждое из этих государств, придали новый аспект многим сторонам германской проблемы. Характеризуя положение в Германии и Европе после образования ФРГ и ГДР, авторы отметили, что оно сопровождалось поляризацией сил, развертыванием

«холодной войны». Парижские соглашения узаконивали перевооружение ФРГ, а после вступления ее в НАТО «граница между двумя германскими государствами стала официально границей размещения войск Североатлантического блока в Центральной Европе» [10, с. 176].

А.А. Галкин является составителем и редактором целого ряда документальных публикаций по германской истории новейшего времени. Среди них – публикация дневников нацистского преступника И. Геббельса [16]. В предисловии ученый отметил, что с точки зрения фактологии эти дневники малоинформативны, т.к. о последних днях гитлеровской империи имеются более достоверные данные, но эти записи важны как материал для историко-политического анализа, для понимания психологии, поведения верхушки нацистского режима на протяжении 12 лет безраздельного господства в Германии [Там же, с. 9].

Считая И. Геббельса незаурядным пропагандистом, которому был свойственен принцип политической манипуляции, связанный с прогрессом в области средств информации и связи, А.А. Галкин считает, что эффективность нацистской пропаганды была отражением не только ораторского мастерства И. Геббельса, но и объективных факторов: недостаточно высоким уровнем политического и интеллектуального развития значительной части населения, относительной монополией в области информации, видимыми успехами политики, которой служила пропаганда. Воздействие двух последних факторов в конце войны ослабло, что, по мнению А.А. Галкина, возможно, и осознал И. Геббельс, если внимательно изучить его последние записи [Там же, с. 12].

Среди других публикаций документальных материалов вызывает интерес книга «Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991», подготовленная А.А. Галкиным совместно с А.С. Черняевым. В предисловии было отмечено, что правильно понять политику М.С. Горбачева в германском вопросе можно, если вписать ее в более общий вопрос: оценку мировой ситуации, решительный выбор в пользу прекращения «холодной войны», и что решение германского вопроса «должно было стать фактором демонтажа противостояния систем» [22, с. 14]. В сборник вошли 4 группы документов – записи бесед М.С. Горбачёва с зарубежными политическими деятелями; расшифровка записей хода заседаний и встреч, посвященных германскому вопросу, служебные записки и другие материалы, касающиеся германского вопроса, отдельные публикации в печати, важные с точки зрения понимания происходивших событий.

В широких кругах научной общественности А.А. Галкин известен как крупнейший социолог и политолог нашего времени. Остановимся на его наиболее значимых работах в этой области научного знания.

В книге, написанной А.А. Галкиным совместно с Ф.М. Бурлацким, «Современный Левиафан. Очерки политической социологии капитализма», рассмотрена проблематика, связанная с закономерностями функционирования и развития политической системы в странах Западной Европы и США и ее воздействие на мировую политику [1]. Это серьезная теоретическая работа, в которой рассмотрены такие понятия, как нация, государство, политическая система, влияние внешней среды на политику государств. Центральным пунктом теории политики является, по мнению авторов, понятие власти, что дает ключ к пониманию политических институтов, политических движений и самой политики. Выявляя пределы модификации политической системы, авторы проанализировали процессы формирования социальных компонентов политической власти, роль культуры в определении политического сознания и поведения различных групп населения. Важное место в данном исследовании занимают проблемы международных отношений. Они раскрыты как система, постоянно развивающаяся на каждом этапе исторического развития.

Новым явлением в политологии стало обращение внимания на формирование и функционирование правящих элит в современном обществе. А.А. Галкин является автором содержательной статьи «Правящие элиты современного капитализма» [15], опубликованной в Российской политической энциклопедии, ответственным редактором которой он является. Ему же принадлежит и вступительная статья «Новые ростки политической науки» [12] в этом издании.

Автор затрагивает теоретические вопросы формирования элит, указывая, что наряду с политической элитой в принятии решений принимает участие экономическая элита (владельцы монополий, директора и управляющие частными и государственными компаниями), бюрократическая элита, обладающая важными полномочиями при принятии решений, военная элита, духовная «престижная» элита – это ведущие деятели науки, искусства, культуры, верхушка духовенства, руководители средств массовой информации.

Формирование элит, по мнению автора, определяется главным образом социальными закономерностями. Для того чтобы войти в правящую элиту, необходимо «уже обладать высокими социальными позициями: определенной степенью материальной независимости, соответствующим уровнем и типом образования, связям и знакомствам в правящих кругах» [15, с. 98]. Под влиянием механизма отбора в правящей верхушке находят лишь те, кто полностью принял господствующую систему ценностей.

Раскрывая отношения между группами в правящей элите, автор отмечает, что для представителей частных монополий характерен узкоэго-

истический подход к экономическим и политическим проблемам, они обычно тормозят проведение назревших социальных мероприятий. Политическая же элита, напротив, имеет возможность подойти к проблеме с позиций, отображающих интересы общества в целом. В условиях обострения социально-политических противоречий правящая элита распадается на противоборствующие клики, что приводит к переменам, а иногда и к полной смене политической верхушки при сохранении неприкосновенности режима [15, с. 103].

В научных поисках А.А. Галкина в постсоветский период явно обозначились в качестве главных темы демократии и авторитаризма, проблемы и перспективы партийной системы в России и на Западе, пути развития современной России, размышления о политике и политической науке, развитие российской политической науки. Отличительной особенностью работ последнего времени ученого является междисциплинарность, что позволило ему создать новую теоретическую платформу для анализа разнообразного материала. Трансформация российского общества под воздействием глобализации, адаптация к новым веяниям, сохранение традиций – вот основные сюжеты последних работ А.А. Галкина, для которых характерны концептуальность и четкость выводов.

В написанной совместно с А.Ю. Красиным книге «Россия: quo vadis» [8] рассмотрены вопросы современного развития России, обобщены материалы многочисленных дискуссий в России и за рубежом о путях развития страны, приведен богатый фактологический материал, основанный на статистике и опросах общественного мнения. Некоторые сюжеты освещаемой темы рассматривались в предыдущей монографии «Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития» [7]. Авторы отметили, что в начале XXI в. они остались, как и прежде, на позициях «критической оценки содержания и особенно методов политики, проводимой в 90-е годы» в России [8, с. 6]. Их волнует коренной вопрос, вставший на переломе веков: куда идет российское общество, какой путь будет им избран? В трех разделах книги – «Наследие», «Альтернативы», «Перспективы» – выбор Россией своего пути развития они стремились поставить в контекст современных глобальных вызовов и поисков ответов на них мировой общественной мыслью. О возможных вариантах пути, в начале которого находится Россия, ведут разговор исследователи.

Следующая работа А.А. Галкина «Размышления о политике и политической науке» [17] представляет собой сборник материалов, которые в той или иной степени уже публиковались в монографиях, других научных изданиях. Они объединены стремлением автора осмыслить и оце-

нить некоторые важные общественно-политические процессы, которые прослеживаются в современной России. Несколько статей основаны на исследованиях, проведенных совместно с Ю.А. Красиным. В центре внимания данной публикации – взаимоотношения индивидуума, общества и власти в социумах различного толка, относящихся к разным цивилизациям и находящимся на разных ступенях развития.

Возвращаясь к проблеме современных подходов к сущности фашизма, А.А. Галкин дает свое толкование феномена фашизма [13, с. 10; 17, с. 152] и ставит вопрос о перспективах появления фашизма в России. По его мнению, Россия обладает устойчивым иммунитетом к фашизму, но вместе с тем, на его взгляд, иммунитет не бывает абсолютным. «Судя по ряду признаков, – указывает далее автор, – сегодня этот иммунитет ослаб, хотя еще достаточно прочен, чтобы стать серьезной преградой на пути фашистского вала» [17, с. 155]. Однако при определенных условиях возможно обеспечение успеха фашизму. А.А. Галкин видит их в длительных экономических неурядицах, кризисе политической системы, очевидной потере веры в демократию как принцип управления общественными делами, укоренение в общественном сознании чувства ущемленности национального достоинства [Там же, с. 158].

Исследуя возможные пути развития России, А.А. Галкин указывает на то, что в стране велики симпатии к сильной власти, к авторитаризму в разных общественных слоях – в массовом сознании, в среде интеллектуалов. Исследуя глубинные причины этого явления, он находит их в общей ситуации в России последних лет – социальной напряженности, идейной дезорганизации, поразившей массовое сознание, разочаровании населения в эффективности той системы власти, которую оно воспринимало как демократическую. Изучая возможности и опасности авторитаризма в России, А.А. Галкин пишет о том, что «...главным направлением противодействия авторитаризму остаются усилия, направленные на преодоление системного кризиса российского общества» [Там же, с. 182]. Далее он отмечает, что поскольку вина за кризис лежит на политических силах, провозгласивших себя либералами и демократами, скомпрометированными в глазах общественности оказались не только они, но и совокупность демократических ценностей.

Интересным, на наш взгляд, в данной работе является раздел о судьбах социализма, который А.А. Галкин называет социальным фениксом, возрождающимся из пепла. На его взгляд, «отправить социалистические учения в небытие попросту невозможно... они вечны настолько, насколько можно считать вечным человеческое общество» [Там же, с. 188]. Автор акцентирует внимание на базовых ценностях социал-демо-

кратического движения, которое он рассматривает, начиная с 1848 г. В экономической сфере это борьба за нормальное воспроизводство рабочей силы. В социальной области – ограничение опасного неравенства между верхами и низами в области потребления, жилищных условий, здравоохранения и образования. Это преобразование в политике урезанной, элитарной, цензовой демократии, маскирующей господство немногих в современную массовую демократию, основанную на всеобщем, равном и тайном избирательном праве. В культурной сфере именно социал-демократические ценности, а не либеральные, тем более праволиберальные, сформировали ее лучшие стороны, апеллирующие к высшей нравственности. В международных отношениях социалисты всегда отстаивали гуманистические принципы. Они выступали против силы и угрозы силой на международной арене, осуждали политику захватов, стремились предотвратить военные конфликты. Трудно назвать, по мысли автора, другое политическое движение, которое могло бы записать на свой счет такие итоги. И «если социализм хочет выжить и утвердиться в общественном сознании и в политической практике, то он должен при всех модификациях сохранить альтернативность» [17, с. 219], не сливаясь с либерализмом.

Таким образом, труды профессора Александра Абрамовича Галкина являются важным вкладом в современное обществоведение. Несомненны его заслуги в изучении германской истории, прежде всего – национал-социализма. Вызывают огромное уважение его концептуальные идеи и позиция на переломном этапе российской истории. Пожелаем же ему в год его славного юбилея здоровья, благополучия и творческого долголетия.

Библиографический список

1. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985.
2. Галкин А.А. Версаль и рейнские сепаратисты. М., 1962.
3. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967.
4. Галкин А.А. Германский фашизм. Изд. 2-е, доп. М., 1989.
5. Галкин А.А. Зубы дракона. М., 1961.
6. Галкин А.А., Красин Ю.А. Критика российского авторитаризма. М., 1995.
7. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия: варианты развития. М., 1998.
8. Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: quo vadis. М., 2003.
9. Галкин А.А., Красин Ю.А. Сильная демократия – альтернатива авторитаризму. М., 1996.
10. Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1965). М., 1966.

11. Галкин А.А. Нацистская идеология и пропаганда // Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. М., 1970. С. 232–252.
12. Галкин А.А. Новые ростки политической науки // Российская политическая наука / Отв. ред. А.А. Галкин. Т. 3. М., 2008.
13. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 6–15.
14. Галкин А.А. Партийная система на Западе и в России: проблемы и перспективы. Аналитический доклад. М., 2002.
15. Галкин А.А. Правящие элиты современного капитализма // Российская политическая наука / Отв. ред. А.А. Галкин. Т. 3. М., 2008.
16. Галкин А.А. Предисловие к русскому изданию // Геббельс И. Дневники 1945 г. Последние записи / Пер. с нем. Смоленск, 1998. С. 5–15.
17. Галкин А.А. Размышления о политике и политической науке. М., 2004.
18. Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем: о социальных корнях консервативной волны. М., 1987.
19. Галкин А.А. Социально-политическая структура капиталистического общества и фашизм // Вопросы философии. 1970. № 2. С. 87–97.
20. Галкин А.А. Социология неофашизма. М., 1971.
21. Галкин А.А. Фашизм – враг человечества. М., 1962.
22. Галкин А.А., Черняев А.С. Предисловие и составление книги // Михаил Горбачёв и германский вопрос (1986–1991): Сб. документов / Ред. О.И. Зимарин. М., 2006. С. XIII–XXIII.
23. Из истории деятельности СВАГ. Интервью с ее бывшим сотрудником, доктором исторических наук А.А. Галкиным // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 165–184.

М.В. Барабанов

«Российский взгляд» на «партстроительство» и политическую жизнь в Польше в первой половине 90-х гг. XX в.

В статье рассматривается процесс зарождения и развития политических партий в Польше в первой половине 90-х гг. XX в. Автор анализирует этот процесс, основываясь на исследованиях российских исследователей, пласт публикаций которых по рассматриваемой проблеме весьма обширный. Таким образом, представляется «российский взгляд» на «партстроительство» и политическую жизнь в новой Польше.

Ключевые слова: постсоциалистические страны, политические партии, «правые» и «левые» партии, «партстроительство», многопартийность и партийная система, парламентская демократия, политические элиты, выборы, коалиции, парламент, президент.

В восточноевропейских постсоциалистических странах в первой половине 1990-х гг. XX в. возникло много новых политических партий и общественных объединений.

На первой стадии строительства многопартийности спонтанный взрыв общественно-политической активности вывел на сцену несколько сотен образований, отражавших в первую очередь идеологические предпочтения, а также все более обстоятельно осознаваемые различные интересы – политические, общественные, культурные, профессиональные, национальные и т.д. [16, с. 83].

Что касается прежних политических и общественных структур, то они во многом изменили свой характер, чтобы вписаться в новый политический ландшафт. «Партстроительство» в постсоциалистических странах Восточной Европы, в том числе, в Польше, в 90-е гг. XX в.

обстоятельно описано в зарубежной политической и исторической литературе. В настоящей статье раскрывается «российский взгляд» на процесс создания политических партий в Польше в первой половине 90-х гг. XX в. «Российский взгляд» означает авторское видение процессов становления и развития партий и партийной системы в Польше, основанное на исследованиях отечественных ученых.

Политические партии в Польше стали активно формироваться после прихода к власти «Солидарности». «Партийному буму» в Польше положил начало Закон о политических партиях, принятый Сеймом 28 июля 1990 г. [15, с. 76]. В соответствии с которым, кстати, достаточно было 15 подписей, чтобы создать и зарегистрировать партию [11, с. 48]. К середине 1990-х гг. в стране было уже зарегистрировано более 300 политических партий, общественных движений и т.п. [15, с. 78].

Значительным этапом в «партийном строительстве» Польши явилось принятие 17 октября 1992 г. Конституционного закона о взаимных отношениях между законодательной и исполнительной властями, а также территориальном самоуправлении, получившего название Малой конституции [13, с. 184–202]. В соответствии со ст. 4 Малой конституции, политические партии могли образовываться на основе принципов добровольности и равенства прав граждан в целях оказания влияния демократическими методами на формирование политики государства. Политической партией признавалась общественная организация, выступавшая под определенным названием, ставящая себе целью участие в публичной жизни, прежде всего, оказание влияния на формирование политики государства и осуществление власти [5, с. 395–396].

Право на объединение в политические партии имели граждане, достигшие 18 лет. Регистрацию вновь создаваемой партии осуществлял варшавский воеводский суд на основании заявления.

Регистрация партий являлась открытой. Создание объединений и участие в объединениях, цель или деятельность которых – посягательство на политический или социальный строй либо правопорядок Польской Республики, запрещалось. О несоответствии целей или деятельности политической партии конституции решение принимал Конституционный трибунал. Последний, на основании представления варшавского воеводского суда либо министерства юстиции, давал заключение о противоречии целей или деятельности политической партии конституции, при этом он мог рекомендовать внести в определенный срок соответствующие изменения в устав или программу партии. Если же деятельность партии была направлена на изменение конституционного строя Польской Республики или партия являлась организацией, использующей

методы насилия в политической жизни, то министр юстиции мог выступить в Конституционном трибунале с предложением о запрете ее деятельности.

В соответствии с законом средства партии складывалась из членских взносов, даров, имущества, полученного в порядке наследования по завещанию, доходов от имущества партии и хозяйственной деятельности, а также общественных пожертвований. Доходы от хозяйственной деятельности освобождались от налогов в части, используемой на уставные цели партии.

Политические партии не могли пользоваться какой-либо деловой поддержкой или финансовой помощью иностранных граждан и юридических лиц, образованных иностранцами. Источники финансирования партии являлись открытыми [5, с. 397–398].

Возвращаясь к «партстроительству» в Польше, следует заметить, что уже в апреле 1990 г. внутри «Солидарности» произошел раскол. Распад солидаристского лагеря был неизбежен, его нетрудно было предвидеть. На рубеже 1989–1990 гг. в нем все более ясно обозначились две ориентации. Одна обращалась к видению государства либерального и светского, главную угрозу видела в национализме, клерикализме и ксенофобии части польского общества. Вторая была близка католицизму и людовскому консерватизму, а ее сторонники важнейшим противником считали посткоммунистов, влияние которых оценивали как все еще очень большое [8, с. 50].

Формирование правого фланга проходило преимущественно на основе Гражданского парламентского клуба, объединившего депутатов от «Солидарности». Отечественная исследовательница Л.С. Лыкошина пишет: «“Солидарность” – квазипартийное образование, характеризующееся значительной свободой элиты, в среде которой со временем стала развиваться условно межпартийная борьба...» [6, с. 73].

Политическая элита «Солидарности» разделилась на либералов, христианских демократов, республиканцев, консерваторов, аграриев, социал-демократов, националистов и др. Она стала активно группироваться вокруг по-разному сориентированных лидеров. В известной степени эта элита делилась и самоопределялась так, чтобы заполнить все идейно-политическое пространство польского общества и охватить весь электорат.

Было создано два-три десятка партий, представлявших весь возможный идейно-политический спектр: правые, центристские, левые, либеральные, христианско-демократические, национально-католические, аграрные и др. [12, с. 46].

Формирование и укрепление в Польше консолидированного правого фланга на «политическом поле» страны проходило довольно сложно. Вот что пишет об этом процессе российская исследовательница О.Н. Майорова: «...Конкретное идейное и программное содержание, отождествляемое с понятием “правые”, было очень разнообразно и даже противоречиво. Одни предполагали, что правые должны “рассчитаться” с партноменклатурой ПОРП, сохранив при этом унаследованный от социализма экономический строй (во всяком случае, основные его элементы). Для других исторической задачей правых была модернизация Польши в соответствии с национальными традициями и при опоре на частную собственность. Некоторые же рассматривали правых как силу, которая должна создавать новый строй, альтернативный не только социализму, но и западным либеральным демократиям» [9, с. 37].

Распад солидаристского лагеря открыл дорогу к строительству нормальной парламентской демократии. В результате возникло более десятка мелких партий, которые апеллировали к традициям и идеалам «Солидарности» как к своим истокам. Подавляющее большинство сложившихся на ее базе партий – это правые партии. В результате создалось впечатление, что политический маятник резко качнулся вправо. При этом надо заметить, что большинство партий, созданных элитой «Солидарности», – это по сути дела еще только протопартии, аморфные образования, не имевшие широкой базы в обществе. По своим политическим позициям одна часть этих партий – это умеренные, центристские образования, другая – праворадикальные с требованиями «завершить до конца антикоммунистическую революцию».

Помимо Демократического Союза на базе движения «Солидарность» возникли следующие партии: Либерально-демократический конгресс (ЛДК), Рабочая партия (РП), Партия христианских демократов, Союз Труда (по сей день являющееся единственной левой партией, вышедшей из «Солидарности») и Христианский национальный союз, или Христианское национальное объединение (ХНС, или ХНО) – антикоммунистически настроенная националистическая, клерикальная партия, опирающаяся на католическую социальную доктрину и настаивающая на возрождении традиционных польских ценностей. ХНС (ХНО) стал своего рода политическим рупором церкви, хотя в правой среде в целом присутствовала тенденция рассмотрения этой партии как политического союзника.

В 1991–1993 гг. эти партии одновременно пытались исполнять функции и власти, и оппозиции: одни из них играли роль оппозиции по отношению к другим, которые находились у власти. Тем самым вышедшие из

«Солидарности» партии рассчитывали на то, что в течение десятилетий, поочередно меняясь у руля власти, они будут господствовать на польской политической сцене. Но этому не суждено было сбыться.

В первой половине 1990 г. процесс перемен охватил партии времен Польской Народной Республики. Появились партии, имеющие свои корни в ПНР. Прежде всего, надо выделить Союз демократических левых сил (СДЛС), костяком которого является Социал-демократия Республики Польша (СДРП) – наследница реформаторского крыла Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). СДРП порвала с прежней идеологией и перешла на позиции западноевропейской социал-демократии.

СДЛС являлся политическим блоком, включавшим в себя 28 группировок, наиболее значительными являлись СДРП и Всепольское объединение профсоюзов. В состав коалиции входил целый ряд организаций социал-демократической и даже коммунистической ориентации. Однако это обстоятельство отнюдь не означало возврата к старой коммунистической идеологии. Еще в 1993 г. лидер польских социал-демократов А. Квасьневский (будущий президент Польской Республики) дал достаточно емкую характеристику своих политических соратников: «Мы просто новые левые в новой Польше».

Объединенная крестьянская партия, пытаясь обновиться, преобразовалась в Польскую крестьянскую партию (ПКП). Но костяк этой партии по-прежнему составляла сельская бюрократия, ее территориальные структуры не только сохранились, но и укрепились [14, с. 79]. Демократическая партия утратила свое влияние [8, с. 83].

Показательно крайне подозрительное, почти негативное отношение «Солидарности» к превращению ПОРП в СДРП. Впоследствии партии правого фланга демонстрировали склонность отвергать любые инициативы левых, исходя исключительно из факта авторства, а партии, сотрудничавшие с СДРП, обвинять чуть ли не в измене в пользу западноевропейских государств и корпораций.

Правые силы, вышедшие из «Солидарности», пытались политически изолировать новых польских социал-демократов, однако те сумели преодолеть изоляцию и превратиться в конструктивную оппозицию.

Некоторые польские специалисты называли специфической чертой польской партийной системы изучаемых лет деление партий на вышедших из ПНР и вышедших из «Солидарности». Это деление носило устойчивый характер и вело к тому, что правительственные коалиции заключались в рамках только одного политического полюса.

Характерно, что в стране, где среди немалой части интеллигенции были сильны идейно-политические традиции довоенной Польши, на

политической сцене не удалось закрепиться ни одной из воссозданных довоенных политических партий (народные демократы, пилсудчики, ППС и др.). По существу, все они оказались анахронизмом, не вписывающимся в современную польскую реальность.

Более того, в Польше, где 90% населения считали себя верующими католиками, в рассматриваемые годы так и не удалось создать сильную христианско-демократическую партию. Не удалось сформировать и значимую национально-патриотическую партию, хотя в стране насчитывалось 50 националистических политических образований.

Расстановка политических и общественно-политических сил накануне парламентских выборов 1991 г. отразила их крайнее разнообразие и разобщенность. Большинство экспертов и обозревателей ожидали, что Демократическому Союзу (ДС) удастся завоевать значительное количество мест, и партия станет ядром правительственной коалиции.

По результатам выборов в Сейм 10 октября 1991 г. ДС выглядел неплохо и действительно набрал наибольший процент голосов, однако этот наибольший процент составил всего 14,5%. Семь партий набрали от 12,1% до 5,5% голосов, а крайняя пропорциональность в переводе голосов в места не позволила ни одной партии рассчитывать на сколько-нибудь значимый перевес [4, с. 135]. В результате нижняя палата парламента имела демократический характер, но отличалась крайней раздробленностью.

Парламент превратился в арену политической борьбы, стал сценой для создания блоков и их распадов, раскола партий и появления новых. Партийная система приняла форму калейдоскопической мозаики. В таких условиях о каком-либо устойчивом большинстве в парламенте, необходимом для нормальной работы над текстом новой конституции, социально-экономическими проектами, не могло быть и речи. Более того, решение начать работу над проектом «с чистого листа» возвращало депутатов к проблеме определения основ, с учетом программной и идеологической неразберихи – трудноразрешимой.

Фракционность (к концу 1991 г. в Сейме образовалось 18 парламентских клубов), идейная разноречивость и низкий коалиционный потенциал выступили отягчающим фактором при формировании и функционировании правящих коалиций. ДС не смог самостоятельно мобилизовать парламентское большинство и вскоре внимание стало фокусироваться на пятипартийной коалиции: ЛДК, ХНС (ХНО), Конференция независимой Польши (КНП), Центрум, Крестьянский альянс [7, с. 73].

Споры по поводу программы и персоналий привели к выходу из коалиции ЛДК и КНП. В итоге новый премьер-министр Ольшевский сформировал

ровал трехпартийное правительство, контролировавшее в лучшем случае четверть мест в Сейме.

Нижняя палата проголосовала по вотуму доверия положительно во многом по причине отсутствия приемлемой альтернативы и нежелания отдавать инициативу в руки президента Валенсы, имевшего свои виды на кандидатуру премьера. В результате правительство не пользовалось поддержкой ни парламентского большинства, ни президента, что в условиях модели организации исполнительной власти определяет крайне уязвимые позиции кабинета министров.

Правящая коалиция оказалась слабой. Усиление внутривнутрипартийной борьбы привело к расколу Крестьянского альянса Солидарности на Крестьянский альянс и Крестьянский христианский альянс. Центрум, занявший бескомпромиссную позицию в отношении бывших коммунистов, постепенно пришел в упадок. А стремление провести реформы любыми средствами имело следствием грандиозный политический скандал и отставку правительства.

Вопрос о люстрации практически расколол правый фланг, усугубил изоляцию левых и в немалой степени способствовал дальнейшей изоляции президента Валенсы. Внесло свою лепту и институциональное противостояние, в значительной мере обусловленное неопределенностью формулировок полномочий президента и премьер-министра, недостаточностью конституционных полномочий правительства.

Ввиду отсутствия явного продвижения в работе над проектом новой Конституции необходимость разработки и принятия закона о разграничении полномочий между главой государства, правительством и парламентом стала очевидной для всех участников политического процесса. В соответствующем законе, получившем название Малая конституция, позиции правительства были усилены. Стратегия кабинета Ольшевского актуализировала еще одну нерешенную проблему: обеспечение прав и свобод польских граждан. Однако, хотя движение «Солидарность» обозначало ее как приоритетную, принять Декларацию прав и свобод в 1992 г. так и не удалось. Видимо, это не столь сильно затрагивало партийные интересы.

Формирование нового правительства Х. Сухоцкой происходило с учетом обретенного негативного опыта. Казалось, партии правого фланга извлекли урок: ДС, ЛДК, ХНС, Крестьянскому альянсу, Крестьянскому христианскому альянсу и Христианским демократам удалось создать правительственную коалицию. «Солидарность» и некоторые другие группы обещали правительству Сухоцкой поддержку, обеспечив, таким образом, парламентское большинство. Правительство поспешило провозгласить себя «правительством национального согласия».

Однако коалиция объединила довольно странных союзников. ХНС, клерикальная партия, обретшая вес и свое лицо в политике благодаря поддержке Католической церкви, и ДС, выступавший за секуляризацию церковных земель. Крестьянские альянсы, добивавшиеся субсидий и введения защитных барьеров для местных производителей, и ДС с ЛДК – приверженцы минимального вмешательства государства в экономику. Кроме того, в партии премьера – ДС – произошел раскол: один из лидеров А. Халль покинул ДС и сформировал свою Консервативную партию, с наибольшими основаниями относимую к правому флангу, но не пользующуюся поддержкой в обществе. С начала 1993 г. позиции правительства в парламенте стали ощутимо ослабевать. Слабая партийная дисциплина и постоянные споры о направлении социально-экономической политики неоднократно ставили правительство в сложную ситуацию. В мае из коалиции вышел Крестьянский альянс. А отставка министра юстиции 28 мая стоила правительству неудачи в голосовании по вотуму доверия. Президент, однако, принял решение о роспуске парламента. Результаты голосования свидетельствуют о том, что Валенса, видимо, не был достаточно осведомлен об изменении предпочтений электората и переоценил коалиционный потенциал правых.

Роспуск парламента 31 мая 1993 г. застал партии абсолютно не готовыми к новым выборам. К тому же 28 мая было принято новое положение о выборах в Сейм, введивший более высокий барьер для партий и коалиций. Эта мера была направлена на снижение фракционности и, несомненно, благоприятствовала наиболее сильным партиям [1, с. 123]. Таким образом, они получили некоторое преимущество.

Избирательный закон стимулировал создание предвыборных блоков. Но, видимо, это побуждение к сотрудничеству оказалось недостаточным. ЛДК и ДС, несмотря на идеологическое и программное сходство, не смогли достичь согласия относительно общей предвыборной стратегии. М. Рокита из партии ДС в качестве основной проблемы указал на амбиции партийных лидеров [9, с. 85]. 7 небольших правофланговых партий и группировок, связанных с «антиваленсовской коалицией» – Центрум (Соглашение центристских сил), Движение за Республику Ануша, Движение за третью Республику Парыса, Политическая акция Мациревича – вопреки призыву к созданию широкого христианско-патриотического блока договориться также не смогли.

Созданию в июне 1993 г. католического избирательного блока «Отчизна», объединившего ХНС, Консервативную партию, Партию христианских Демократов, Христианско-крестьянскую партию, в немалой степени способствовал Архиепископ Гданьский. Однако эти партии, как и в слу-

чае с правительством Х. Сухоцкой, были странными союзниками и имели довольно низкий рейтинг.

Валенсу беспокоила ситуация в центре и на правом фланге партийно-политического спектра. После неудачной попытки побудить партии, входившие в правительство Сухоцкой, выступить единым фронтом на выборах, он заявил о своем членстве и патронаже над новым политическим образованием – Непартийным Блоком за Реформы, который, как предполагалось, станет четырьмя ногами нового порядка: профсоюз «Солидарность», предпринимательские союзы, крестьянство и местное самоуправление. Валенсой предлагалась своего рода схема системы социального партнерства. Однако предположения не оправдались. В блок вошли малоизвестные кандидаты. Политические партии отнеслись к его возникновению с недоверием. Они опасались, что президентский авторитет окажется недостаточным, чтобы возобладать над неопределенностью положения и противоречиями между «четырьмя ногами», и, как следствие, власть главы государства возрастет еще больше. Обозначилась перспектива потери голосов из-за дополнительной конкуренции за правоцентристский электорат. Поражение правых на выборах стало более чем вероятным. И результаты выборов в Сейм 1993 г. стали тому подтверждением.

Партии правого фланга заплатили большую цену за неспособность объединить усилия в решающий момент. Впоследствии лидеры правых признали, что основной причиной сокрушительного поражения стала их неспособность создать за 4 года сплоченное правое формирование. За них было отдано порядка трети голосов граждан, но ни одна из них не получила мест в нижней палате.

Профсоюз «Солидарность» набрал 4,9% голосов и не прошел 5%-ный барьер. Из правых только 3 объединения смогли попасть в Сейм: блок «Отчизна», зарегистрировавшийся как коалиция (8,37%), ДС (12,4%) и ЛДК (9,1%) [4, с. 135]. Остальные сформировали непарламентскую оппозицию. У левых же оказалось чуть меньше 2/3 депутатских мандатов. Как пишет Л.С. Лыкошина, «с учетом крайне не дружественных отношений между правым и левым флангами формирование впоследствии мощной внепарламентской оппозиции представляется неизбежным, но отнюдь не конструктивным феноменом политической жизни Польши рассматриваемого периода» [6, с. 88]. Создатели нового избирательного закона, несомненно, достигли цели уменьшения фракционности законодательного собрания, в Сейм вошли представители 6 крупных партий и блоков против 28 в прежнем его составе.

Парламентские выборы способствовали кристаллизации политических партий, формированию умеренного плюрализма. Она характеризовалась,

в частности, существованием партий, доминирующих в системе (между ними не было слишком большой идеологической дистанции), тенденцией к созданию полярных коалиций. Если в сейме, избранном в октябре 1991 г., было 17 партий, то в сейме, избранном в сентябре 1993 г., – 7. Избиратели предпочитали крупные политические партии и образования, которые, по их мнению, были способны эффективно управлять государством [4, с. 80].

Поражение партий, вышедших из недр движения «Солидарность», на выборах 1993 г. потребовало переоценки их политической стратегии. Основную цель практически все группировки внепарламентской оппозиции видели в интеграции.

Выборы 1993 г. ознаменовали собой начало нового этапа в развитии польской демократической партийной системы, одной из главных черт которого стала попытка консолидации правого партийно-политического спектра. Хотя данное утверждение является не однозначным. С одной стороны, консолидация правых прослеживается в слиянии крупных партий – ДС и ЛДК в мае 1994 г. и создании консервативной коалиции – «Союз Свободы». Помимо ДС и ЛДК, туда вошли Центрум, Крестьянское соглашение, Движение за Республику, а также вышедшее из блока «Отчизна» ХНС (ХНО) [10, с. 122]. Лидером коалиции стал Т. Мазовецкий, но уже через год в результате внутрикоалиционных споров он был вынужден уступить свое место Л. Бальцеровичу.

Через некоторое время возникает «Соглашение 11 ноября», объединившего Союз реальной политики, Консервативную партию, Партию христианских демократов, Крестьянско-христианскую партию, Национально-демократическую партию. По мере развития сотрудничества произошло сближение с профсоюзом «Солидарность» и принятие на состоявшейся 14 января 1995 г. программной конференции правых партий своего рода программы-минимум – «Совместные программные принципы».

Однако формирование коалиционных соглашений между правыми силами вновь привели к противоречивым результатам. С одной стороны, это позволило им добиться хороших результатов на выборах в местное самоуправление [9, с. 85]. С другой – Союз Свободы и «Соглашение 11 ноября» в равной мере претендовали на представительство подлинных правых и договориться между собой не могли. Правые партии продолжали придерживаться противоположных позиций по вопросам вмешательства государства в экономику, интеграции в ЕС, в отношении профсоюзов, конституционного процесса, формы правления, национальной безопасности, модернизации польского общества и т.д. Президентская кампания 1995 г. привела к очередной «перетасовке союзов», и согласовать единого кандидата так и не удалось.

Помимо определенных идейных расхождений, данный отказ обусловила крайне негативная реакция правофланговых партий на заключение коалиционных соглашений между «Союза Свободы» и СДЛС на уровне муниципалитетов [9, с. 88]. Бескомпромиссность позиции была отличительной чертой партий правого фланга в 1990-е гг. и существенно снижала их коалиционный потенциал. Партиям явно не хватало прагматизма, что затрудняло согласование позиций и организацию совместных действий.

Негативное воздействие на взаимоотношения между партиями правого фланга партийной системы оказала президентская избирательная кампания 1995 г. Дискуссии в СМИ снова приобрели жесткий характер. Весной 1995 г. Я. Рокита («Союз Свободы») начал кампанию «трех четвертей», призванную мобилизовать 75% электората против кандидата от СДЛС А. Квасьневского. Однако, выступив одновременно против Л. Валенсы и Я. Куроня (официального кандидата от «Союз Свободы»), Рокита не смог обозначить приемлемого альтернативного кандидата. Кампания оказалась исключительно провальной. Собственно, правые совершили ту же ошибку, что и на парламентских выборах: не смогли согласовать единую кандидатуру и недооценили политическое мастерство Валенсы. В межвыборный период 1993–95 гг. правоцентристские партии боролись с Валенсой с таким же энтузиазмом, как и с Квасьневским, несмотря на то, что вскоре после парламентских выборов лидеры проигравших правых группировок заявляли о важности регулирования взаимоотношений с Валенсой как потенциальным союзником в борьбе против левых [2, с. 31].

Потеряв поддержку в центре партийно-политического спектра, Валенса надеялся выиграть, опираясь на поддержку армии и наиболее необразованного электората. Ему удалось увеличить свой политический капитал, используя свой былой имидж человека, подарившего Польше свободу, преимущества нахождения у власти и популистские уловки. Он обещал офицерскому составу оплатить расходы, связанные с маршами, и увеличить финансирование. Поддержал профессиональных офицеров во главе с Т. Вилецким, выразивших желание избавить армию от гражданского контроля. Далее последовала серия уступок «моральному большинству» (польской церкви) Польши. Валенса практически обеспечил назначение М. Юрека (одного из лидеров ХНС) на должность Председателя Общепольского совета по телевидению и радиовещанию. Наложил вето на предложенные СДЛС и поддержанные парламентом поправки к закону об абортax. В июне публично осудил свой собственный проект Конституции, возложив вину за его либерализм на своих представителей в Конституционной комиссии. Предпринял ряд шагов, направленных на сближение с профсоюзом «Солидарность». В частности, поддержал

профсоюзный проект Конституции и инициативу М. Кшаклевского. В сентябре наложил вето на правительственный законопроект об индексации государственных пенсий. Пенсии росли гораздо быстрее, чем стоимость жизни. С экономических позиций вето было необоснованным, и Сейм, состоявший на две трети из левых партий, преодолел его при повторном голосовании. При этом Валенса предстал защитником пенсионеров от неправильно ведущего себя левого правительства. Как следствие, многие люди преклонного возраста на президентских выборах отдали свои голоса Валенсе.

По результатам первого тура президентских выборов, состоявшегося 19 ноября, Валенса набрал 33,1% голосов, что оказалось всего лишь на 2% меньше, чем у лидера СДРП Квасьневского (35,3%). Голоса за других кандидатов распределились следующим образом: Я. Куронь («Союз Свободы») – 9,22%, Я. Ольшевский – 6,86% («Отчизна»), – 4,31%, Т. Зелиньский (ХНО) – 3,53%, Х. Гронкевич-Вальц – 2,76% [4, с. 137].

Такой результат свидетельствует не в пользу гипотезы стабилизации правого фланга партийно-политического спектра. Негативную роль также в очередной раз сыграли амбиции, предубеждения, недоброжелательность правых партийных лидеров. Во втором туре Валенса и Квасьневский получили 48,28% и 51,72% голосов соответственно. Таким образом, левое большинство в парламенте дополнилось левым президентом.

Почти каждый кандидат от правящей партии обещал экономический рост, снижение безработицы, улучшения в сфере социального обеспечения, увеличение заработной платы, укрепление армии, повышение уровня общественной безопасности, интеграцию в организации Запада. Некоторые отличия проявились в части надлежащего курса конституционного законодательства и позиций кандидатов по отношению к действующему парламенту. Кандидаты правого крыла, особенно Валенса и Гронкевич-Вальц, обещали распустить левый парламент.

В отличие от соперников, А. Квасьневский акцентировал внимание на необходимости объединения общества вокруг общих целей, заботе об интересах всех граждан, скорейшем принятии новой Конституции. В публичном поле снова актуализировалась лексика «холодной гражданской войны», язык ненависти и клеветы.

Как отмечал известный российский исследователь современной истории Польши Н.И. Бухарин, «для поляков, особенно для интеллигенции, президент, прежде всего, должен быть символом и гарантом незыблемости Республики Польша, стабильности ее моральных основ. Квасьневский же, будучи прагматиком, применяя тактику гибкого лавирования,

имея не столь позорное, но все же коммунистическое прошлое, более того, пытаясь примирить поляков с социалистическим периодом истории страны, на роль символа нации, стремящейся к нравственному и духовному возрождению, подходил довольно плохо» [3, с. 23].

Другой отечественный исследователь польской истории И.И. Жуковский добавляет: «Причем защита И. Секулы, депутата от ПКП, обвиненного в экономических преступлениях, и Й. Олексы, обвиненного в тесных связях с российскими спецслужбами, как и ряд других действий и высказываний, увеличению указанного капитала не способствовали» [4, с. 23]. К примеру, своего рода шок у некоторых поляков вызвал ответ Квасьневского на вопрос журналиста газеты «New York Times», кого он считает героем польской истории. Президент обозначил, мягко говоря, слабо сочетаемые фигуры: Пилсудского, Гомулку, Терека и Ярузельского.

Отсюда появились утверждения среди наших специалистов о том, что «многие поляки» якобы «отказывают Квасьневскому в моральном праве представлять и символизировать страну» [Там же, с. 20–25].

С приведенными утверждениями уважаемых отечественных специалистов вряд ли можно безоговорочно согласиться. Действительно, лидер СДРП, в отличие от предыдущего президента в начале срока полномочий, обладал незначительным авторитетом и популярностью, столь высоко ценимым в интеллектуальных кругах. Однако заметим, что «многие поляки» – это были далеко не все избиратели в Польше. С течением времени А. Квасьневский набирал политический вес. На президентских выборах в 2000 г. он победит в первом же туре.

Итак, польский опыт первой половины 1990-х гг. показывает, что из-за отсутствия сильных партий ни одна партия не в состоянии сама осуществлять власть. Отсюда неизбежно формирование правящих коалиций в парламенте и создание на их базе коалиционных правительств. Последние не являются чем-то принципиально худшим, чем существование двух- или трехпартийной системы. В целом стабильную демократию можно обеспечить только сохранением относительного равновесия между различными конкурирующими друг с другом политическими силами.

Библиографический список

1. Андреева И.А. Избирательные реформы в Польше. М., 1994.
2. Бухарин Н.И. Польская политическая система в период трансформации. М., 1997.
3. Бухарин Н. Польские социал-демократы: путь из оппозиции во власть и снова в оппозицию. М., 1998.
4. Жуковский И.И. Партийная система Польши. Калининград, 2010.

5. Иностранное конституционное право / Отв. ред. В.В. Маклаков. М., 1996.
6. Лыкошина Л.С. Партии и движения Восточной Европы. М., 1997.
7. Лыкошина Л.С. Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1996.
8. Майорова О.Н. Идеино-политическая эволюция Демократической партии Польши // Политические партии и движения Восточной Европы: проблемы адаптации к современным условиям. М., 1993. С. 47–83.
9. Майорова О. Н. Идеино-политическая эволюция правых партий в Польше. М., 1997.
10. Майорова О.Н. Правые группировки на польской политической сцене // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997. С. 128–156.
11. Майорова О.А. Эволюция партийной системы в постсоциалистической Польше // Славяноведение. 2004. № 3. С. 47–58.
12. Бухарин Н.И., Синицина И.О., Чудакова Н.А. Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 38–57.
13. Конституционный закон от 17 октября 1992 г. о взаимных отношениях между законодательной и исполнительной властями Республики Польша // Право и жизнь. 1995. № 5. С. 184–202.
14. Политическая трансформация стран Центральной и Восточной Европы. М., 1991.
15. Демократия.ру. URL: http://www.democracy.ru/library/foreign/procedures/financing/rus_1994-10/page4.html (дата обращения: 01.06.2012).
16. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века / Гл. ред. А.Д. Некипелов. Т. 3. Ч. 1. Трансформации 90-х годов. М., 2001.

А.И. Бондарева

Демократия и социально-политическая жизнь

Автор утверждает, что значение демократии, как власти среднестатистического большинства, в наши дни несколько преувеличено, при этом умалется значение личности в истории, производстве, общественной жизни. Но государственная власть на средства производства, коллективная ответственность за каждого члена общества, равные права и обязанности в государственном управлении имеют перспективы на будущее.

Ключевые слова: демократия, демократические принципы, народ, государственное управление, коллективная ответственность.

Для социализации и нормального развития человеческой личности необходимы коллективные формы общения, встречающие индивидуума уже в роддоме, затем – в детском саду, школе, профессиональном учебном заведении, рабочем коллективе и т.д. И каждый коллектив представляет собой общественную ячейку, приблизительно соответствующую аналогичным коллективам в других городах и даже странах, что свидетельствует об универсальности слоев общества, составляющих коллектив.

Что общего можно наблюдать, например, в школьных коллективах? Учеников, которые любят учиться и имеют успехи в обучении, всегда единицы. Большинство обучающихся рады срыву занятий, не всегда готовы к урокам, не любят отличников. Но есть еще меньшинство, агрессивно настроенное против отличников – как эталону, к которому их призывают стремиться. Не желая идти сложным путем самовоспитания и систематического труда, желая получить признание и внимание сразу, они постоянно натравливают относительно равнодушное большинство на отличников, совершенствуя свое «мастерство» сплетника и интригана. Это так называемые «раскольниковы», желающие революционно-криминальным путем устранить конкурента.

Демократия, как коллективные формы общения, работы, производства и потребления, имеет место быть в истории цивилизации и современной жизни. Но коллектив представляет собой группу людей, «объединенных общей работой, учебой, общими интересами» [8, с. 284], как правило, равных по основным социальным параметрам (возрасту, уровню образования, культурного развития, степени профессионализма), имеющих в этом коллективе равные права.

Вместе с тем, различие социальных слоев по уровню развития и степени профессионализма выражается в явно сформированной иерархической системе. А значение личности в истории и любом проявлении жизни настолько велико, что никому не придет в голову оспаривать его, т.е. демократия как объединяющий фактор жизненных явлений так же хороша, как и индивидуальные формы работы, самовоспитания, социальной активности и т.д. Главное, чтобы одно не мешало другому.

Рассуждая о социальном устройстве жизни, нельзя опираться на иллюзии и субъективные предпочтения, т.к. любое общество разнородно. Поэтому «судить по себе» о представителях противоположно направленного вектора жизни означает показать свою некомпетентность в вопросе о социальных ролях основных составляющих частей общества.

Нормальное состояние нашего духо-материального мира – это равновесие и гармония противоположных векторов социальной жизни. Наглядно его можно представить как схему цветового спектра четырех основных дополнительных пар, которую можно найти в любом учебнике по живописи: желтый – фиолетовый, оранжевый – синий, красный – зеленый, белый – черный, – цвета, расположенные друг против друга в равных секторах окружности. Равновесие и гармония противоположных качеств объектов и явлений, обозначенное в различных науках (оптике, квантовой физике, квантовой логике и т.д.) [6] как *дополнение*, есть закономерное явление, проявляющееся на всех стадиях и ступенях мироздания. А также оно свидетельствует о том, что Вселенная на физическом трехмерном уровне представляет собой шар – во всех направлениях уравновешенную геометрическую фигуру.

Общественная жизнь не является исключением: нарушение равновесия между политическими и экономическими противовесами ведет к конфликтам и войнам. Например, можно рассматривать «слабые» в военном оснащении страны: Вьетнам, Югославию, Ирак, Ливию, Сирию, Иран и мн. др. (подвергшиеся вооруженным нападениям или получающие угрозы со стороны более оснащенного в военном отношении агрессора США), – как неуравновешенное дополнение к агрессивному хищнику, не выполняющее функцию противовеса. При *относительном равновесии* военного ядерного потенциала, тем не менее, возможно их мирное сотрудничество. Теоретически мирное сосуществование возможно и при отсутствии военных баз у обоих векторов, но реально в настоящий момент это невозможно при амбициях хищников-агрессоров.

...Такие противоположные векторы, как Дух и материя, лежащие в основе создания нашего духо-материального мира, коренным образом влияют на потребности общества и его социальные роли. К основным материальным потребностям людей относятся: еда, жилье, базовая материальная среда обитания, – все это имеет качественные и количественные характеристики. Но материя, хоть и является важным компонентом духо-материального мира, тем не менее, вторична по отношению к Духу [2]. Без интеллектуально-духовного поля на планете вообще не может существовать живая материя: т.е. без Духа жизнь невозможна. Именно поэтому человеческий вектор развития не может проявиться без среды социального самовыражения и общения, культуры, институтов интеллектуально-духовного и нравственного образования и просвещения.

Если рассматривать количественное соотношение «опустившихся» социальных элементов и «поднявшихся», то в схематичном изображении

получится пирамида, вершина которой представлена количественным минимумом духовных представителей, а широкая платформа – максимумом опустившихся. Потому отношение «живого вещества» к неживой материи на планете равно 0,25% [3, с. 325]. Приведение данной статистики неслучайно, т.к. основной принцип демократии – голосование по большинству голосов.

Итак, демократия – «1. Политический строй, основанный на признании принципов народовластия, свободы и равенства граждан. 2. Принципы организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное и равноправное участие в ней всех членов коллектива...», таково определение в словаре С.И. Ожегова [8, с. 163]. Т.е. понятие «демократия» рассматривается как политический строй и как принцип – в более частном применении. Формулировка «принципы народовластия» требует уточнения значения слова народ – «1. Население государства, жители страны. 2. О нации, национальности, народности» [Там же, с. 389].

Знаменитый русский историк XIX в. В.О. Ключевский подходит к расшифровке этого понятия с точки зрения исторического развития: «На физиологических основах кровных связей строилась *первобытная семья*. Семьи, пошедшие от одного корня, образовывали *род*, другой кровный союз, в состав которого входили уже религиозные и юридические элементы, почитание родоначальника, авторитет старейшины, общее имущество, круговая самооборона (родовая месть). Род через *народжение* разрастался в *племя*, генетическая связь которого выражалась в единстве языка, общих обычаях и преданиях. Из племени или племен посредством разделения и ассимиляции составлялся народ, когда к связям этнографическим присоединялась нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общностью исторических судеб и интересов. Наконец, народ становится *государством*, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона. В государстве народ становится не только политической, но и *исторической* личностью с более или менее ясно выраженным национальным характером и сознанием своего мирового значения. Таковы основные формы общежития, представляющие последовательные моменты его роста» [4, с. 107].

Но если народ – историческая форма этнографических связей и духовного общежития, представляющая в национальном единстве государственное политическое образование, то что же тогда *не народ*? Что вообще может быть противопоставлено этой духовно-политической национальной силе? Ведь многие думают, что народ – это специфическая особая

часть населения..., и откуда взялось понятие «демократия»? Может быть, это как раз и есть та самая часть народонаселения, которая должна осуществлять «народовластие» над всеми остальными слоями народа, составляющими государство?

В словаре Ожегова С.И. мы находим и третье значение понятия «народ»: «Основная трудовая масса населения страны» [8, с. 389], как видим, речь идет уже об определенной части народа – трудящейся...

Историки С.В. Новиков, А.С. Манькин и О.В. Дмитриева определяют один из слоев народа – *демос* – как «простой народ» (также подразумевая его непосредственное отношение к труду), противопоставляемый в периоды тирании в Древней Греции VIII–VI вв. до н. э. традиционной аристократии и родовой знати, которая пыталась «в ущерб демосу сохранить свои привилегии» [7, с. 29]. Демос и родовая, аристократическая знать в данном случае являются дополнениями в области социальных отношений, или представителями противоположно направленных политических и экономических векторов народонаселения Древней Греции. Отсутствие равновесия в правах, обязанностях, политического и экономического статуса этих противоположных социальных сил приводило к неустойчивости в политической и экономической ситуации: власть неоднократно переходила от узурпаторов-тиранов к демократическим режимам, постепенно отбирая привилегии у родовой знати. Немалую роль в этом сыграло введение в 509–507 гг. до н.э. афинским реформатором Клисфеном наиболее мелкой территориальной единицы *дем* с целью окончательного слома власти аристократической знати, т.к. название *дема* использовалось вместо родового отчества отца. Трудно сказать, какое из слов использовалось в употреблении первоначально: *демос* или *дем*, но теснейшая связь между ними очевидна.

Каковы же характерные особенности демократических преобразований, направленных на ликвидацию произвола в правовых отношениях между родовой знатью – собственником земли, привилегий и правовых норм – и трудовым демосом в Древней Греции? В законодательстве, введенном архонтом Драконтом в 620-х гг. до н.э., появились следующие изменения:

- запись законодательства (прежде устно изменяемого в своих интересах носителями правовых норм);
- отмена права на кровную месть (передача карательных функций ареопагу);
- жестокое наказание бездеятельности граждан;
- ужесточение, вплоть до смертной казни, наказания за кражу (защита частнособственнических отношений и труда собственников).

Изменения в законодательстве при реформаторской деятельности Солона в Аттике с 594 г. до н.э.:

- освобождение афинян от обязательств за земельные долги;
- запрещение обеспечения займов личностью – направлено против долгового рабства;
- освобождение крестьян, ранее попавших за долги в рабство;
- выкуп за общественный счет и возвращение на родину рабов, проданных на чужбину за долги;
- дальнейшее развитие рабства за счет иноплеменников;
- запрет на вывоз зерна из Аттики;
- реформы денежная, мер и весов, что повысило конкурентоспособность в торговле;
- создание благоприятных условий для экспорта оливкового масла и вина – мероприятие, направленное против спекулятивных сделок;
- закон о свободе завещаний – удар по родовым связям;
- ограничение земельного максимума в собственности, определение ссудного процента;
- разделение на четыре разряда (по объему дохода от хозяйственной деятельности) свободного населения Аттики, что обеспечило контроль результатов труда и определило его влияние на политические права;
- определение критерием полноты политических прав величину частной собственности в сельском хозяйстве, а не принадлежность к родовой знати;
- преобразования в афинском ополчении, связанные с изменениями социального статуса;
- учреждение вместо аристократического ареопага Совета 400 (буле) (по 100 граждан из оставшихся четырех родовых фил), деятельность которого обсуждалась и утверждалась на народном собрании;
- регулярный сбор народного собрания 40 раз в году, или каждые 9 дней;
- введение суда присяжных (гелиэя).

Законодательные преобразования в 509–507 гг. до н.э. во время борьбы с тиранией в Аттике, предложенные реформатором Клисфеном:

- разделение население на 10 территориальных фил и более мелкие – демы, в отличие от родо-племенной организации общества по филам и фратриям;
- учреждение нового Совета из 500 буле: по 50 человек от каждой из 10 новых территориальных фил (состав Совета полностью менялся ежегодно, возможность быть членом Совета – один раз в жизни, выбор буле – по жребию), для выражения интересов всех представителей сельхозобщества;

– коллективный характер в осуществлении исполнительной власти – остракизм.

Демократические реформы Древней Греции способствовали утверждению полисного строя, уничтожившего неограниченный произвол в правовом поле нетрудовой родовой знати. В осуществляемых реформах проявились *демократические принципы*: попытка привлечения к труду всех слоев гражданского населения, голосование по большинству голосов в отдельно взятом общинном коллективе, слияние государственной и частной собственности на землю общинным коллективом, представляющим полисную власть.

По сравнению с предыдущим – родо-племенным строем – полисная государственная организация установила временное относительное равновесие между противоположными социальными слоями: власть – рабы, бедные – богатые, трудящиеся – наниматели. Результаты социальных преобразований таковы:

- одну треть населения страны составили полноправные граждане полисной сельскохозяйственной общины, обладающие экономическими, политическими и социальными правами, а главное – правом собственности на землю;
- во вторую треть населения вошли неполноправные жители: городское население, включающее ремесленников и чиновников, наемные рабочие и т.п.;
- третья часть народа государства – бесправные, т.е. рабы.

Демократические преобразования привели к власти сельскохозяйственную верхушку – землевладельцев, обладающих наибольшими доходами по сравнению с другими слоями народа. Народное собрание состояло только из членов властной общины, представляющих одну треть всего народа. Таким образом, в данной конкретной исторической ситуации демократические принципы использовались для изменения политической ситуации.

Результатом этих демократических преобразований можно назвать следующее:

- независимость получили местные рабы (бывшие должники и некоторая часть населения смогла повысить свой социальный статус, приумножив трудовые доходы);
- произошло слияние государственной и частной собственности на землю, что укрепило стабильность положения собственника – полисной власти;
- повысилась ответственность за использование земельных участков, что стимулировало сельскохозяйственное производство, – действительно, кризисное положение неравенства противоположных социальных

векторов несколько улучшилось, что на некоторое время сделало социально-политическую жизнь несколько стабильнее.

Основные принципы демократии: коллективная собственность на средства производства, коллективная ответственность за каждого члена общества, организация коллективной деятельности, голосование по большинству голосов, равные права, – как метод довольно часто используется в различных областях жизни для достижения частных целей и задач, в том числе и криминальных, – в качестве сговора. Этот метод получил широкое распространение при минимальном составе коллектива или какой-то части общества для формального разрешения кризисных ситуаций – вместо реального выравнивания соотношений между противоположными социальными векторами. Этот метод можно назвать *словым*, т.к. революционно передает власть тем социальным слоям, которые решают не эволюционные вопросы, а стратегические – в свою пользу. На каком-то этапе развития социальных отношений использование демократических принципов и методов может уравновесить социальные и политические разногласия.

При этом умение, так сказать, договориться, ставится выше законодательства и правовых социальных гарантий, превращая исключение из правил в норму, а закон – в исключение из жизни. Вследствие такой практики мы и получили к XXI в. общество, вывернутое наизнанку: люди, привыкшие говорить одно, делать другое, а подразумевать нечто совсем иное, стали считать, что демократия – это панацея от всех бед и несчастий. Но формальный подход не только не улучшил историческую ситуацию нарушения равновесия между противоположными векторами, – наоборот, усугубил конфликт и напряжение.

Возникают вопросы: «Рабы есть обязательная составная часть народа при демократическом режиме – как неоплачиваемый труд, доходы с которого автоматически переходят к власти? В чем заключается трудовая деятельность власти, если она не создает интеллектуально-духовных ценностей, а приспособливает законодательство к своим потребностям?».

В нашем государстве в период сталинской тирании лучшие работники интеллектуально-духовного уровня заключались в трудовые лагеря – с целью бесплатного качественного труда, что представляет одну из разновидностей рабства. Существовали противоположные социальные векторы: власть тирана – трудовая ученая элита, включающая литераторов, артистов, работников искусства и средств массовой информации, что соответствует формуле «господин – раб».

Как мы видим из уроков истории, нарушение равенства и гармонии между социальными векторами-дополнениями приводит к тирании или

привлекает иноземных захватчиков. Так было до установления полисного государства в Древней Греции; так было на Руси в XI в., когда воинственными междоусобицами между князьями пользовались половцы для набегов на незащищенную землю; также было и в предреволюционной России, когда «власть не могла, а низы не хотели...»; так же было и при нашествии Гитлера, понимавшего кризисную ситуацию в великой стране и т.д.

Поэтому, если рассматривать отдельное государство как единое целое, то можно сказать, что слои населения, классы, составляющие народ, есть закономерное явление дополнительных социальных векторов, соотношение между которыми определяет уровень мирной жизни либо состояние войны. Древние греки хорошо понимали недостатки своего государственного устройства, тем не менее, устранение их проходило постепенно и очень болезненно, через череду тираний и демократических реформ, но получившийся государственный строй не изменил суть существовавших социальных противоположных направлений, лишь подправил их соотношение.

Для выравнивания равновесия между социальными векторами основное значение имеет выбранная *шкала ценностей*: либо она соответствует эволюционному развитию, либо – тенденции к деградации.

Рабская психология, как показывает современная жизнь, присуща огромному слою населения, готовому открыто назначить себе цену. Это и есть среднестатистическое большинство данного исторического периода, претендующее на демократическую власть. Но история протекает во времени, несущем постоянные изменения в сознании и настроении народа, «примеряющем на себя разные костюмы и роли», не удовлетворяясь подчиненным положением. Поэтому обмануть народ надолго, увлечь зыбкими надеждами невозможно. На ошибках учатся: на одних и тех же ошибках учатся все новые и новые поколения, как на картине Питера Брейгеля «Слепые», – такова суть демократии, ориентирующейся на среднестатистическое большинство, а не на передовых специалистов и высококвалифицированных профессионалов.

Почему социалистическое общество не смогло уравновесить противоположные социальные векторы? В Советском Союзе считалось, что все население нашей страны однородно и одинаково, это типичная ошибка при утаивании недостатков: ведь эффективное лечение больного возможно только при осознании диагноза. Тем не менее, сама жизнь показывает, кто относится к трудящимся, кто является бездеятельным потребителем, кто паразитирует на чужом труде, кто грабит производителя. Отсутствие равновесия между социальными векторами указывает, какой вектор надо укреплять, а какой уменьшать или перепрофилировать.

Методы и принципы демократии, как показывает история, используются по мере необходимости в периоды критических исторических ситуаций, но возможно ли подлинно демократическое государство в реальности, как идеал социально-политических отношений на территории огромного государства России, имеющего огромный интеллектуально-творческий потенциал, или это мифический образ некомпетентных мечтателей, ничего не видящих дальше собственного носа?

«Государство – основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану его экономической и социальной структуры, *в классово-антагонистическом обществе используемая для подавления классовых противников* (здесь и далее выделено мной. – А.Б.), при социализме являющаяся формой *политической власти вначале большинства трудящихся, а затем всего народа...*» [4, с. 145], в этом определении отчетливо прослеживается желание всех уравнивать. Здесь не идет речь о гармонии и равновесии, путях мирного взаимодействия различных социальных слоев общества, но выражается точка зрения о наличии одного «цвета» или, в крайнем случае, двух – при их характеристике. Например, белый и черный. Так бесцветно воспринимают мир насекомые. Но ведь люди гораздо более сложно организованы и такое упрощение недостойно человеческого общества.

«Государство, по Соловьёву, – это сам народ, нация в ее развитии; одно не отделимо от другого. Россия, таким образом, – это история государственности, но не правительства и его органов, как полагал Карамзин, а жизни народа в целом, во всех ее общественно значимых проявлениях.», – пишет В. Татаринов об исторических выводах крупнейшего знаменитого историка России XIX в. С.М Соловьёва [9, с. 6].

В.О. Ключевский также тесно связывает в единое целое такие понятия, как государство и народность, при этом определяя великое значение русского народа в установлении социального равновесия: «Значение народа, как исторической личности, заключается в его историческом призвании, а это призвание народа выражается в том *мирном положении*, какое он создает себе своими усилиями, и в той идее, которую он стремится осуществить в этом положении. Идеал исторического воспитания народа состоит в полном и стройном развитии всех элементов общегития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других... Прямое дело ближайшего будущего – сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить *равновесие народных задач и средств*. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо.» [5, с. 7].

Таким образом, *государство* можно определить следующим образом:

- 1) это народ, живущий на территории своих предков, имеющей четкие границы, которые сформировались с течением исторических преобразований и изменений;
- 2) то, что существует благодаря равновесию внутренних социальных отношений и независимости в отношениях с внешними странами;
- 3) это политическая организация соотношения экономического производства и перераспределения доходов между всеми социальными слоями общества.

Политическая организация расстановки социальных сил государства определяет состояние экономики и возможность функционирования самого государства. В соответствии с демократическими принципами, исполнительная власть осуществляется по большинству голосов среднестатистического большинства, не имеющего никакого отношения к передовым «мозгам» немногочисленных представителей прогрессивных интеллектуально-духовных работников, чья роль в многочисленном голосовании никогда не заметна: голосование идет по принципу количественного превосходства, а не качественного.

Противоречие между демократическими принципами и законами эволюции есть противоречие между «школьниками и программой школьного обучения», освоить которую стремятся далеко не все.

Из нескольких форм труда, используемых в наше время – производство, обслуживание, спекуляции, рабство – только производство работает на экономику и политическую стабильность и потому основным является разделение населения на производителей и потребителей. Как приспособить основные принципы демократии к этим полюсам, понять сложно. Ведь производство может быть материальным и интеллектуально-духовным. Если физический труд может быть организован по принципу коллективизма, то работники интеллектуального и интеллектуально-творческого труда работают индивидуально, что называется, «от бога», и никакой внешний коллектив не может ни голосовать, ни вмешиваться в этот процесс. К тому же работники интеллектуально-творческого труда по статусу должны быть проводниками культуры, образцом человеческой идеологии, выражать самые прогрессивные взгляды и мнения общества, и даже стараться вести народ за собой (функции духовного лидера).

Но главным в реализации демократических принципов в политическом обустройстве является не организация коллективного труда интеллектуалов-одиночек, а *коллективная собственность на средства производства*, т.к. основным средством производства является человек. И частная собственность на средства производства (одна из основных

характеристик капитализации) – это опять рабство, магнит, не отпускающий человечество от старта социализации. Это бег на одном месте, ни на один шаг не приближающий к победному финишу.

Только социализм сделал попытку ввести коллективную собственность на средства производства. Более того, в отличие от капиталистического вектора индивидуализации и агрессивного внедрения принципа «каждый – за себя» равно «один против всех» равно «на войне, как на войне», социалистический вектор внедрял *коллективную ответственность за каждого члена общества*.

Недостаток тех, кто взял на себя ответственность за строительство социалистического строя в нашем государстве, – политическая неспособность организовать учет и контроль материальных и интеллектуально-духовных ресурсов страны, на что в первую очередь указывал мозговой центр теории социализма В.И. Ленин. Идеалом демократических государственных преобразований является равновесие разнонаправленных социальных сил.

Но власть демократии – воли среднестатистического большинства – есть отделение «головой» от «туловища», превращающее исполнительную власть в тело без головы, а государство – в труп. Даже в Древнем мире существовало понимание значительности законов Вселенной и стремление соизмерять свои потребности с реальными возможностями, о чем свидетельствуют астрологические сооружения и пирамиды. Во времена монархии власть царя воспринималась как отражение власти высших сил, т.к. монарх должен был олицетворять на земле власть «небесную», соответствовать истине.

Таким образом, демократия в качестве методов и принципов возможна только в среде однородных существ одного уровня развития, но на уровне государственного строя – неэффективна и даже опасна.

Библиографический список

1. Арсенов О.О. Параллельные вселенные. М., 2011.
2. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. СПб., 1922.
3. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965.
4. Ключевский В.О. Энциклопедический словарь русской истории. Современная версия / Сост., примеч. Н. Соломадиной. М., 2008.
5. Ключевский В.О. Русская история. М., 2012.
6. Меськов В.С., Мамченко А.А. Мир информации как тринитарная модель Универсума. Постнеклассическая методология когнитивной деятельности // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 57–68.
7. Новиков С.В., Манькин А.С., Дмитриева О.В. Всеобщая история. М., 2010.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1990.
9. Татарников В. От издательства // Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. М., 2011. С. 5–6.
10. Циолковский К. Монизм вселенной (конспект – 03.1925). Калуга, 1925.

В.А. Емельянов

Создание прокремлевских молодежных общественно-политических организаций

В статье рассматриваются история создания партией власти России лояльных прокремлевских молодежных общественно-политических организаций. Указаны основные причины, побудившие государство начать процесс ускоренной политической социализации молодежи в РФ. По мнению автора, политический истеблишмент страны серьезно опасался возможности дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в период сдвоенного электорального цикла, выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Президента РФ, которые проходили в 2007–2008 гг. Многочисленные молодежные движения выступили как патриотические контрдвижения молодежи в противовес созданию большого количества протестных и леворадикальных молодежных организаций.

Ключевые слова: молодежь, молодежные объединения, молодежные организации, молодежные движения, политическая социализация молодежи.

К концу 2004 г. – началу 2005 г. в России существовало две большие провластные молодежные организации: Молодежное движение Всероссийской политической партии «Единая Россия», общественная организация «Молодежное Единство» и Общероссийская общественная организация содействия воспитанию молодежи «Идущие вместе».

В начале нового тысячелетия организация «Идущие вместе» провела множество многотысячных мероприятий в поддержку существующего курса власти, тем не менее, многие публичные мероприятия ценностно-культурного аспекта серьезно дискредитировали саму общественную организацию в обществе и молодежной среде. Одним из наиболее известных мероприятий, вызвавших негативную реакцию и широкий резонанс в обществе, стала акция по обмену книг В. Ерофеева, В. Пелевина и В. Сорокина на произведения других авторов. По мнению руководителей этого молодежного движения, работы именно этих писателей являются безнравственными и подлежали обмену на классическую литературу [1; 4; 6].

Главной задачей движения «Идущие вместе» была поддержка Президента В. Путина, поэтому 7 мая 2001 г. во время митинга в поддержку президентского курса на каждом члене организации была одета майка с изображением анфаса Путина и с надписью «Все путем!». Использование образа Президента в своих публичных акциях и открытая поддержка его деятельности была воспринята обществом как возврат в советские времена, сама же организация идентифицировалась гражданами как новый комсомол. При этом сам Путин неоднократно высказывался о недопустимости возврата к советскому прошлому и подчеркивал свое отрицательное отношение к созданию культа личности вокруг своей персоны.

По нашему мнению, главным недостатком движения «Молодежное Единство» было то, что оно занималось исключительно социальными проектами, изредка участвуя в политических митингах.

Данные организации не могли быть эффективным инструментом по привлечению в свои ряды молодежи как электората, вследствие утраты на тот момент общественного доверия по причине довлеющих над ними тактических ошибок и просчетов в организационной деятельности. Актив обоих движений довольствовался кратковременными и стихийно организованными мероприятиями. В самих движениях между членами отсутствовало чувство единства в выполнении общего дела. Молодые люди рекрутировались к участию в мероприятиях посредством материального стимулирования: денежного вознаграждения, билетов в кино и театры и т.п. Участников движения использовали в качестве политической массовки, создавая имитацию политической социализации молодежи, которой не было и в помине.

На начало 2005 г. политически активная российская молодежь была распределена примерно по семи группам различных организаций (рис. 1), основываясь на идейной близости, естественно, в каждой организации уникальной, и на желании участвовать в общественной жизни страны

своими методами. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что властям полезно иметь «свои» молодежные движения в каждой из семи указанных групп для канализации всех протестных и экстремистских настроений в молодежной среде.

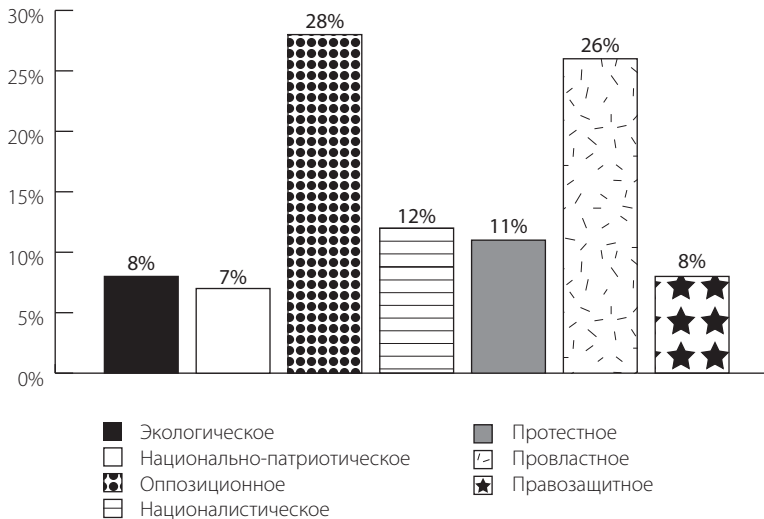

Рис. 1. Деление активной молодежи по направлениям деятельности

17 февраля 2005 г. заместитель главы Администрации Президента РФ В. Сурков встретился в Санкт-Петербурге с 40 юношами и девушками, которым отводилась роль активистов в новом провластном движении «Наши». Во время встречи Сурков пообещал с их помощью создать в России новую политическую силу [см. 2, с. 122]. В течение 2005–2006 гг. проводились многочисленные встречи, конференции, организованные Администрацией Президента и посвященные молодежной тематике. К участию в данных мероприятиях приглашались лидеры молодежных движений и организаций, ведущие эксперты и исследователи.

Как дополнительное средство идентификации нового движения, при создании «Наших» был использован информационный повод – годовщина 65-летия Победы в Великой Отечественной войне. Организация заявила о себе как об антифашистском движении, противостоящем идеям национализма и ксенофобии в современной России.

15 апреля 2005 г. состоялась учредительная конференция движения «Наши», на которую было приглашено 687 делегатов из 30 регионов.

Лидерами движения стали пять федеральных комиссаров, переизбираемые каждые полгода. В состав лидеров вошел бывший руководитель «Идущих вместе» В. Якеменко, который пригласил в центральный штаб и в региональные представительства ведущих функционеров из своего прошлого движения.

В ноябре 2005 г. в Воронеже прошел IV съезд движения «Молодежное Единство», на котором оно было преобразовано во всероссийскую общественную организацию «Молодая Гвардия Единой России». Должность лидера нового движения покинула прежний руководитель «Молодежного Единства» – депутат Государственной Думы РФ от партии «Единая Россия» А. Буратаева, на ее место был выбран координатор молодежной политики партии А. Турчак.

Руководство партии «Единая Россия» поставило перед новым движением задачу перейти от исключительно социальной деятельности к политической, мобилизовать молодежь в качестве электората партии, привести их на избирательные участки, вести предвыборную контрработу по системной и несистемной оппозиции в стране. А. Турчак вспоминает: «Я понимал, что со структурой, доставшейся в наследство от “Молодежного Единства”, мы не одну избирательную компанию не выиграем. Организация была “заточена” под уборку водоемов, посадку деревьев, перевод бабушек через дорогу... Перед организацией стояли задачи мобилизации молодежи, привлечение молодежи на выборы, к голосованию за “Единую Россию” и мы структуру ломали, меняли, учили, тренировали» [5].

Иного рода стояли задачи перед движением «Россия Молодая» с ее лидером М. Мищенко. Организация опиралась на студенчество как на самую амбициозную и интеллектуальную часть молодежи, которая не верила, что в движениях «Наши» и «Молодая Гвардия» можно сделать карьеру. «Россия Молодая» была создана на базе одного из элитных вузов страны – МГТУ им. Баумана, это движение активно поддерживал ректор – член «Единой России». «Россия Молодая» выполняла основную задачу по информированию сотрудников ректората о связях студентов с оппозиционными организациями, таким образом подавляя любую антиправительственную деятельность в вузах. В качестве стимулов для членов «России Молодой» служили прибавки к стипендиям и доброжелательное отношение преподавателей. Помимо этого, движение проводило локальные, с небольшим количеством участников, но откровенно провокационные акции против системной и несистемной оппозиции, рассчитанные на широкое освещение в СМИ.

Стоит отметить также появившийся в 2005 г. «Евразийский союз молодежи» с идеологией реакционного антизападничества, антилиберализма

и российского империализма. Главной задачей данного движения было привлечение националистически настроенной молодежи в свои ряды.

По словам лидера «Евразийской партии» А. Дугина, «Националистические организации России намерены активно бороться с “оранжевой угрозой” и помогать в этом Президенту Путину... Мы не намерены использовать методы гражданской борьбы, и обещаем дать симметричный ответ оранжевым, которые, безусловно, будут выходить за рамки правового поля, значит и мы оставляем это право за собой» [3]. Главными противниками движения были СПС, «Яблоко», «Родина», КПРФ, молодежное движение «Оборона».

Используя «управляемый национализм», «Евразийский союз молодежи» создавал альтернативу на правом поле, рассчитывая привлечь в свои ряды патриотично настроенную молодежь, поддерживающую идею возрождения нации в радикальном виде.

Отдельно стоит отметить, что в 2006 г. были созданы еще два провластных молодежных движения: движение молодых политических экологов «Местные» и «Гражданская смена», которые займут, собственно, экологическую и либеральную ниши в молодежной среде.

Надо отметить, что в 2006 г. было зарегистрировано самое большое количество молодежных политических организаций с момента прекращения существования СССР (рис. 2).

Таким образом, мы рассмотрели все четыре основные провластные организации, созданные для борьбы с «оранжевой угрозой» в 2005 г., остальные 11 организаций, созданных в этом году, относятся к парламентской и несистемной оппозиции и являются в большей мере оппонентами первой четверки.

Политический истеблишмент страны серьезно опасался возможности дестабилизации внутривластной обстановки в период сдвоенного электорального цикла, выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и Президента РФ, которые проходили в 2007–2008 гг. Движения «Молодая Гвардия», «Наши», «Россия Молодая», «Евразийский Союз молодежи», «Местные» и «Гражданская смена» выступили как патриотические контрдвижения молодежи в противовес созданию огромного количества протестных и леворадикальных молодежных организаций, таких как «Идущие без Путина», «Пора», «Мы», НБП, РНЕ, «Спас», «Оборона», «Да!», СКМ, АКМ, РКСМ, МЛФ, ЛКРСМ, ВЛКСМ и многих других. Направленные в первую очередь против движений НБП и «Оборона», провластные молодежные организации они должны были стать альтернативной уличной силой, причем агрессивной и готовой на силовые методы борьбы.

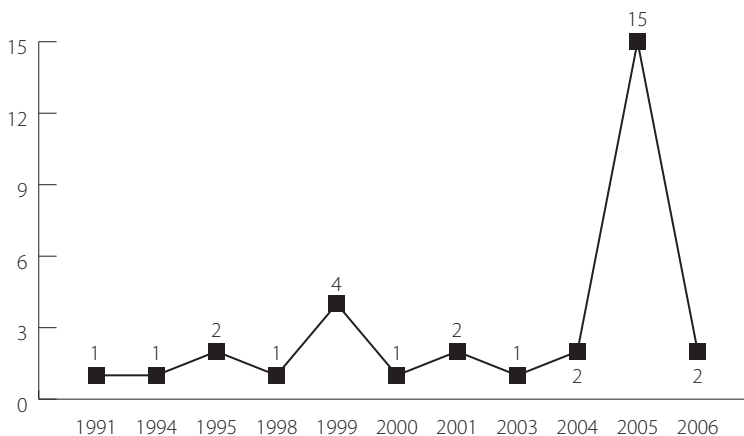

Рис. 2. Динамика создания молодежных политических организаций в России

Библиографический список

1. Лисаускене М.В. Поколение next – прагматичные перфекционисты или романтики потребления // Социс. 2006. № 4. С. 111–115.
2. Мухин А.А. Поколение 2008: наши и не наши. М., 2006.
3. Политком.RU. Информационный сайт политических комментариев 2001–2012. URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=1405> (дата обращения: 01.02.2012).
4. Понукалина О. Специфика досуга современной молодежи // Высшее образование в России. 2007. № 11. С. 124–128.
5. Турчак А. План на выборы – провести в Госдуму как можно больше молодых депутатов // Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России». URL: http://www.molgvardia.ru/vazhnaya_tema/andrey_turchak_plan_na_vybory_provesri_v_gosdumu_kak_mozhno_bolshe_molodyh_deputatov.html (дата обращения: 01.02.2012).
6. Хименос О.И., Мурти М. Не скупитесь на молодежь. Государства могут достичь невероятного процветания, если будут больше вкладываться в молодое поколение / Пер. с англ. Е. Нерсеянц // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 239–249.

Антонова Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры отечественной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: veritas.antonowa2010@yandex.ru.

Барабанов Максим Валерьевич – кандидат политических наук, докторант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова; заместитель руководителя Департамента международных связей, Центральный исполнительный комитет Всероссийской партии «Единая Россия». E-mail: ivan_1948@yandex.ru.

Бондарева Алла Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры живописи и рисунка факультета дизайна и визуальных искусств, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: alvanbond@mail.ru.

Гостюшева Евгения Михайловна – кандидат исторических наук; доцент кафедры политической истории, Алтайский государственный университет, г. Барнаул. E-mail: altmpsi@bk.ru.

Емельянов Владимир Александрович – аспирант кафедры политических наук и связей с общественностью Челябинского государственного университета. E-mail: emelyanov_v@inbox.ru.

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: newlofty@mail.ru.

Макарова Екатерина Владимировна – учитель начальных классов, средняя общеобразовательная школа № 191, г. Москва. E-mail: mak-ek15@yandex.ru.

Некрасова Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент; директор, Анапский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: afmgpu@yandex.ru.

Орлов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры зарубежной истории, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arkigolkin@yandex.ru.

Радькова Ольга Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры новой и новейшей истории, Белорусский

государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: mstrelez@mail.ru.

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры социально-политических и исторических наук, Брестский государственный технический университет, Республика Беларусь. E-mail: mstrelez@mail.ru.

ван Хааске Леонид Андреевич – преподаватель истории и обществознания, Центр образования № 1641, г. Москва. E-mail: leansu@yandex.ru.

T. Antonova

A.I. Herzen: "Get over censorship!"

The article analyses the essays of the newspaper «The Bell» published in London by A. Herzen and N. Ogarev that were dedicated to the problem of the liberation of the Soviet press from censorship. The attention is given to the position of A. Herzen about the prospects for the resolution of the censorship in Russia in the second half of the 1850s – early 1860s; his attitude to the current legislation on the press and the practice of its application; to the sense of Herzen's formula of the freedom of the press.

Key words: «The Bell», censorship reform in Russia, freedom of speech as "The Bell" program point, reforms of Alexander II, Alexander II's government policy in the sphere of the press, liberal bureaucracy, the Local Cathedral.

M. Barabanov

"Russian view" on the "party-building" and political life in Poland in the first part of the 90th of XX

The article dwells on the process of formation and development of political parties in Poland in the first part of the 90th of XX. The author analyses this process basing of the research of the Russian investigators who have a lot of publications on the topic. Thus, the article presents a "Russian view" on the "party-building" and political life in new Poland.

Key words: post-soviet countries, political parties, "right" and "left" parties, "party-building", multiparty and party system, parliament democracy, political elite, elections, coalition, parliament, president.

A. Bondareva

Democratic and sociopolitical life

The democratic principle was often used when it came to situations that needed coercive political solution on primary basis. Nowadays the meaning of

democracy – as authority of common majority – is a little dramatized because at the same time the meaning of a person in history, government and social life is diminished. However state authority on the government means corporate responsibility for every member of society, equal rights and obligations in state government have prospect in the future.

Key words: democracy, democratic principle, people, state government, collective responsibility.

E. Gostyusheva

Historiographical concept of narodniks
(regional aspect)

The regional populist (narodnik) concept developed steadily along with all-Russian tendencies, however there were some specific peculiarities. One can trace the succession shared by the founders of populism (narodnik movement) A.I. Gertsen, N.G. Chernyshevsky, M.A. Bakunin and regional populist researchers of the 1880–1890s P.A. Golubev, N.M. Zobnin, I.E. Ovsyankin, N.M. Tyzhnov, L.S. Chudnovsky, S.P. Shvetsov. It should be noted that the role of Siberian regionalist P.A. Shchyapov in forming the populist historiography was also significant. The main idea which can be traced in the works of the populists is that they wanted to attract attention of the government and the public to social and economic problems of the region trying to convince the government to provide the region with the access to human cultural values as well as the right for economic improvement and civil development.

Key words: narodniks, regional aspect, researcher of narodniks in 1880–1890th P.A. Golubev, N.M. Zobnin, I.E. Ovsyankin, N.M. Tyzhnov, L.S. Chudnovsky, S.P. Shvetsov, Siberian regionalist P.A. Shchyapov.

L.A. van Haaske

Formation
of the universal corporations
and their regional characteristics
in Europe of the High Middle Ages

The article points out background and reasons for the universal corporations in Europe in the Middle Ages (XI–XV cc.) and variations of the process of corporation development on the example of Paris and Bologna.

Key words: Middle Ages university, university corporation, Paris university, Bologna university.

V. Kalmykov

The issue of self-consciousness of French and Russian military during Napoleon wars (on the basis of their memoirs)

The article is focused on the mentality of the Russian and French military, their attitude to war, their duty and the enemy. The author shows the attitude to war among French soldiers and officers and their understanding of the reasons of the war of 1812. The attitude of the Russian officers to Napoleon and French army is also described. The author comes to the conclusion that the Russian and French shared the same degree of patriotism and fortitude.

Key words: Napoleon war times, Patriotic war of 1812, memoirs of the Russian and French military, general de Marbot, sergeant Bourgogne, captain Parquen, major H. fov Brandt, partisan D.V. Davydov.

E. Makarova

Folk arts and crafts in Moscow region (Gzel, Zhostovo, Fedoskino): origin and development

The author compares main aspect of the formation and development of three most famous folk arts and crafts in Moscow region: Zhostovo, Gzel and Fedoskino and compares them with similar foreign productions. The article depicts periods of flourishing and decline of their manufacturing, the reasons for such changes and the present day situation in this sphere.

Key words: folk arts and crafts, origin and development of folk arts and crafts, Zhostovo, Gzel, Fedoskino, modern period of arts and crafts development, folk arts and crafts of the Moscow region.

E. Nerkasova

Local government under the conditions of revolutionary changes: the Paris Commune experience

The article is based on the experimental material collected by contemporaries of the Paris Commune, K. Marx and F. Engels who witnessed the time when in a large administrative formation a new social class – proletariat, that had not been an active factor in political relationships before, came to power for the first time in the new history.

Key words: local government, revolutionary changes, the Paris Commune, proletariat.

V. Yemelyanov

Creation of pro-Kremlin youth socio-political organizations

The article is focused on the history of the creation of pre-Kremlin youth socio-political organizations by the leading party. The author emphasizes main reasons that led the government to begin the process of fast political socialization of the youth in Russia. Political forces feared the possibility of destabilization of inner political situation in the period of dual electoral cycle, elections to the State Duma of the Federal Assembly and the President of the Russian Federation in 2007–2008. Numerous youth movements acted as political counter-movement opposed to the creation of a lot of protests and radical youth organizations.

Key words: youth, youth organizations, youth associations, youth movements, political socialization of the youth.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексеева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgou@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2012.3

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 01.10.2012 г.
Подписано в печать 08.10.2012 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.